

1.861.679

Д

Е.Я.Райгородецкий

К АЛЬПАМ

РАССКАЗЫВАЮТ

★ 1941 ★

★ 1945 ★

ФРОНТОВИКИ

© DSPL.RU/ELIB

© DSPL.RU/ELIB

© DSPL.RU/ELIB

© DSPL.RU/ELIB

Подполковник
Е. Я. РАЙГОРОДЕЦКИЙ

РАССКАЗЫВАЮТ

1941 • ФРОНТОВИКИ • 1945

Е. Я. Райгородецкий

К АЛЬПАМ

679.198.1

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1969

9(С)27

P18

Райгородецкий Е. Я.

P18 К Альпам. М., Воениздат, 1969.

144 с., с портр. («Рассказывают фронтовики»)
100.000 экз., цена 27 коп.

От Кавказа до Восточных Альп прошел с боями 6-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус. Стальные клинки конников подобно карающим молниям сверкали по полях сражений. Казани наводили ужас на немецко-фашистских захватчиков.

В боевых порядках эскадронов неизменно действовали артиллерийские и минометные батареи. Одной из них командовал автор. В своих воспоминаниях он убедительно и ярко показывает героизм однополчан, раскрывает истоки их стойкости и беспримерного мужества.

1-12-2

100-69

9(С)27

ЛАМПАСЫ

Путь от училища до штаба Южного фронта оказался длинным и нудным. Шла весна сорок третьего. Фронт наступал. Штаб не стоял на месте.

Мы, три лейтенанта, добирались около месяца. На чем придется. Порядком надоели и грязные теплушки с жаркими «буржуйками», в очереди у продпунктов, и попутные машины.

— Скорее бы, мальчики, в часть и — в бой, — с раздражением твердил Валентин Соколов. — Пока доедем, войне — конец...

— Ничего, малость я вам достанется, — парировал невозмутимый Семен Локтионов.

Рапидом апрельским утром прибыли наконец в штаб Южного фронта. Молодой подполковник не спеша ознакомился с нашими документами.

— Окончили, значит, Первое Ленинградское... На конной тяге. Что ж, комсомолня, направим вас в 5-й гвардейский Донской кавкорпус. Он как раз на отдыхе. Сразу станете гвардейцами, да еще в лампасах. Здорово? — Подполковник ощупал нас наметанным глазом. — Штаб корпуса разместился недалеко. Есть здесь, в Сальских степях, село Хлеборобное. Туда и держите путь, к командиру артиллерией...

— Товарищ подполковник, разрешите вопрос? — несмело обратился Соколов. — Нельзя ли в другое соединени-

Вопрос Соколова меня не удивил. Запятая по конному делу в училище не очень нравились ему. Особой любовью к лошадям он не отличался и не скрывал этого.

Подполковник холодно взглянул на него, и Валентин понял: просить бесполезно.

В тот же день отправились в Хлебобобное. Вначале ехали на товарняке. Потом шагали по укатанной степной дороге.

Полуденное солнце слепило глаза, вышибало пот. Сбросили шинели, сделали скатки. Подтянули вещмешки. Стало легче.

— Не пыли, пехота! — покрикивал Локтионов осипшим от непрерывного курения голосом. Он неторопливо вышагивал позади нас.

— Подтянись, тылы! — в тон ему бросал через плечо Соколов. — Что? И сапоги не помогают...

Локтионов имел перед нами серьезное преимущество: он носил, хоть и плохонькие, сапоги. А мы с Соколовым — английские ботинки с обмотками. В толстенную, негибачую подошву каждого ботинка, по подсчетам Валентина, было вбито ровно сто пятнадцать латунных гвоздей.

Вдали показались три всадника. Скакали во весь опор. Следом тянулся шлейф пыли.

— Казаки, ясное дело! — приободрился Локтионов. — Аллюр — три креста... Картина получается.

Завидев нас, всадники придержали разгоряченных коней, остановились.

Мы невольно залюбовались. Ребята — как на подбор: крепыши! У каждого на бриджах широкие огненно-красные лампасы. Откормленные лошади-доичаки, с ровным золотистым отливом, в белых носках, беспокойно притаптывались на месте.

— До Хлебобобного далеко? — смущенно спросил Соколов.

— Недалече, товарищ лейтенант, — бойко ответил за

всех большеголовый старшина. — Прямо по грунтовке четыре километра, но более. Вы к нам, в корпус?

— Получили назначение...

— У-у-у, — с присвистом протянул старшина. — Обмотки того... Не гоже... Особенно у нас. Казаки — народ сиварный!

Всадники поскакали дальше.

— Это, я понимаю, романтика! — произнес Локтионов, искоса глядя на Соколова. — А ему, видишь, мехтягу подавай...

— Красиво! Ничего не скажешь! — не выдержал Валентин и брезгливо поглядел на свои заплявывшиеся ботинки.

А я мигом представил себе лихую атаку козников. Сверкающие над головами острые казачьи клинки. Разворачивающиеся на галопе оружейные упряжки... Что подделаешь, в ту пору старшему из нас, Семену Лукичу Локтионову, едва исполнилось двадцать.

Хлеборобное оказалось довольно большим селом с аккуратными свежевывеленными домиками, разделенными редкими деревьями.

В одном из таких домиков мы застали командующего артиллерией корпуса. Гвардии полковник Лев оказался невысоким плотным человеком с румянцем на круглом лице. Он долго рассматривал нас с нескрываемым любопытством.

— Ну и ну, добры молодцы, — подытожил полковник. — Вицепный вид у вас, прямо скажу, неважнецкий.

Соколов машинально поправил старую, заносившую буденовку, вскинул ногу, обмотанную грязной портянкой.

— Одним словом, в казаки не годитесь, — пошутил полковник. Помолчал. И уже закончил серьезно: — А в общем беда не велика. Буденовки пора снять, тепло. Заменим пилотками. И с обувью что-нибудь придумаем...

В дверях показался смуглый казак в широких галифе с напуском и яркими лампасами.

— Получил доплат, товарищ гвардии полковник...

— Кстати, Харабузов... Сообрази-ка нам холодненького молока. Видишь, гости!..

Казак исчез. Лев направился к стоявшему на подоконнике телефонному аппарату, а нам указал на скамейку, черневшую в дальнем углу комнаты.

— Привдвиньте к столу, усаживайтесь. Я пока наведу кое-какие справки.

Мы разглядывали полупустую комнату, с нетерпением ожидая конца телефонного разговора, там решалась паша участь.

Вновь появился молчаливый Харабузов. Ловким движением набросил на стол белоснежную простыню. Поставил глиняную миску с печеньем, стеклянную банку со сливочным маслом, котелок, доверху наполненный молоком, четыре алюминиевые кружки.

— Так вот, добры молодцы, — полковник осторожно положил телефонную трубку в гнезда аппарата, — служить вам в 63-й кавдивизии, в 1684-м артминполку. Командир полка — майор Литвинов... Часа через два будете на месте... А сейчас попоудничаем. Торжественного ужина по случаю вашего прибытия в полк не будет. На довольствие вас поставят не раньше чем завтра. Поэтому прошу не стесняться.

За столом мы услышали, что в корпусе имеются две гвардейские казачьи дивизии — 11-я и 12-я. Нам предстоит служить в дивизии, которая была сформирована в Таджикистане и не является казачьей.

— А как же с лампасами?! — не удержался Валентин. Его пухлое с курносиком лицо выражало и тревогу и сожаление.

— С лампасами, добры молодцы, все в порядке. Брид-

жи с лампасами — единая форма для всех бойцов и командиров корюса.

Мы пялили глаза на добродушно улыбающегося командующего артиллерией — самого большого начальника, с которым когда-либо доводилось разговаривать. Все было и просто и необычно. Совсем не так, как и представлялось по дороге па фронт.

На широкой лежанке русской печи были расстелены карты. Харабузов, сидя на пороге, прилаживал к гимнастерке новенькие погоны. Со двора доносились звуки патефона...

Обстановка располагала к откровенности. Очень скоро полковник узнал, что мы с Соколовым встретили Локтинова в Первом Ленинградском артиллерийском училище, что до этого оба занимались в специальных артиллерийских школах, что в училище все трое полюбили гаубицы.

— А теперь придется вам, ребята, полюбить и минометы, — сказал полковник. — У Литвинова, насколько мне известно, некомплект командиров взводов в батареях 120-миллиметровых минометов.

Валентин толкнул меня в бок — разговор о минометах явно не понравился ему. А полковник Лев, все болсо оживляясь, продолжал:

— Миномет — замечательная, предельно простая система. Судите сами: ствол, плита, двунога-лафет — и все! А как надежен в эксплуатации, какая скорострельность! Посмотрели бы вы, что творили наши минометчики в Кизлярских бурунах, под Ага-Батыром!

Полковник нарисовал картину боя, от которой у нас захватило дыхание.

— Что ни говорите, — заключил он, — а минометы — незаменимое оружие. Я не раз наблюдал за их стрельбой вместе с гвардии генерал-майором Селивановым. Это командир пашего корюса, человек острого ума, новатор. Начнете служить, услышите о нем много интересного...

Алексей Гордеевич считает, что минометы в армии никогда не состарятся.

...К вечеру мы были уже в полку. Десятка полтора домиков с дворами, огороженными жердями, составляли его «расположение».

Дежурный по части проводил нас к командиру. Тот в соседнем дворе совещался с хозяйственниками.

— Будем знакомы, — протянул руку майор. — Литвинов. — На его загорелом лице блестели темные озорные глаза. — О вас знаю: звонили из штадива. С дороги советую отдохнуть. Завтра потолкуем. Да! Чтобы не забыть... — Литвинов подогнал к себе грузного капитана, глядя на нас, приказал: — Обмуцируйте. Никаких обмоток! Сам проверю.

Утром состоялись назначения. Локтионов и я привели огневые взводы в четвертой минометной батарее, Соколов — взвод управления в третьей.

Из беседы с командиром полка узнали: ожидается прибытие пополнения, востом — в путь, к линии фронта. Литвинов потребовал, не теряя времени, лучше изучить незнакомую нам техплку.

После обеда раздобыли Наставление по миномету, стали штудировать параграф за параграфом.

— Дерзайте, дерзайте, мальчики, — подбадривал нас Валентин. — Лампасы даром не даются. Торонитесь: пока восвать соберется, война кончится. — И он морщил курносый нос.

На первом занятии по огневой службе я подал неверную команду: назвал установку прицела «четырнадцать». В расчетах недоумевали. Мой помощник старший сержант Спирицын деликатно заметил:

— У минометов, товарищ лейтенант, прицела больше десяти ноль-ноль не существует...

После занятий мы с Локтионовым остались у минометов. Спирицын показывал и объяснял, мы слушали...

Второго мая полк снялся с места. Перед маршем Соколов появился в нашей батарее радостный, возбужденный.

— Ну, мальчики, идем на Запад! — Валентин пританцовывал на каблуках начищенных до блеска сапог, от этого звенели шпоры, морщились и расправлялись алые лампасы.

...Колонны полков и дивизий двигались днем и ночью. Корпус по приказу Ставки поступал в распоряжение командования Степного фронта и теперь менял дислокацию.

© DSPL.RU/ELIB

УЧЕНИЯ

Корпус не сразу ввели в бой. На юге Воронежской области, где сосредоточились казачьи дивизии, были проведены крупные учения. Литвинов называл их «генеральной репетицией».

Учения начались ночью, под проливным дождем. Батареи были подняты по тревоге. Полковая колонна быстро вытянулась у опушки соснового бора.

Темень. Ливень. Раскаты грома. Настроение паршивое — не дали доспать.

Слышу: ругаются ездоные. Подошел ближе. Крижистый Хамов отчитывает тщедушного худенького Грязнова:

— Брешешь. Сам видел... Отпечай! Зачем брал?

— Не брал я твоего брезентового ядра, — бубнит Грязнов. — На кой леший оно сдалось? Свое имеется...

— Отдай. — не отступает Хамов. — Чужим проваляешься?..

— Чего причепился? Свое в меня ядро...

— Своо... Эх, ты! Глянь-ка, Манька, Ванька идет! — дразнит напарника Хамов.

Я прикрикнул на ездоных. В ту же минуту по колонне заскользил луч карманного фонарика, выхватил из темноты лицо Хамова.

— Брось! Кто балует? — зажмурился он.

— Капитан Завьялов.

— Комиссар! — вырвалось одновременно у Грязнова и Хамова.

Да, это был Завьялов. Его звонкий, бодрящий голос нельзя было не узнать. Отменили в армии институт комиссаров. Ввели заместителей командиров по политчасти. А Завьялова, как и раньше, называли «товарищ комиссар». Объясняли просто: «комиссар» для него лучше подходит. В этом было нечто большее, чем уважение...

— Шуметь ни к чему, — спокойно заметил Завьялов. — Сброс по тревоге ничего подобного не предусматривает...

— Как не шуметь, товарищ комиссар? Ведро запропастилось... — пожаловался Хамов.

— Значит, плохой хозяин... Родом откуда?

— Недалече. Батайский район...

— Колхозник?

— Рабочим в совхозе... К хозяйству привычен...

— И ведро запропастилось... А-я-яй!

Завьялов рассказал о своих первых днях в армии. У него, молодого бойца-артиллериста, призванного на действительную военную службу, пропала как-то щетка для чистки лошади. Все обыскал — нету. А щетка нашлась в переметной сумке, что у седла.

Случай вроде обычный, а люди развеселились. Самое же интересное, что Хамов тут же извлек из переметной сумки пропавшее брезентовое ведро. От души хохотали. Забыли про сон. И дождь — ни о чем!

Всю ночь были в движении. На рассвете эскадроны атаковали условного противника. Наши батареи с ходу развернулись, открыли огонь.

Не успели мы оборудовать огневую позицию, а Завьялов тут как тут. Легко соскочил с коня и — к моему окопу. Я — навстречу. Доложил.

— Политинформацию проводили?

— Проводили. Повзводно. Сегодня в восемь ноль-ноль.

- Политзанятия?
- Вчера. До выхода на учения.
- С людьми беседовали? Индивидуально?
- Беседовали.
- Так-с-с... — Завьялов обвел взглядом минометные окопы. Резко повернулся ко мне. — А знаете, по чувствуется...

Я невольно пожал плечами.

— Взгляните, лейтенант, на окопы. У ваших соседей, в пятой батарее, они полного профиля. Тут — по колено... Выходит, не поняли люди своей задачи... Растолковать им не сумели... Что скажете, Иван Иванович? — обратился Завьялов к высокому, сухопарому старшему сержанту.

Иван Иванович Кириченко, помощник командира второго взвода, был парторгом батареи. Имел большой жизненный опыт. Слыл хорошим знатоком своего дела. Относились к нему с почтением, к слову его прислушивались.

— Знались. Отнюдь не скажу. — Кириченко затеребил усы, сердито посмотрел на огневиков. — Комбат подхвальный — на марши був порядок. Тэнэр на огневой, якщо по совести, того порядку вже нема. От як побачили вас, товариш капитан, праа закипила работа.

— Любопытно, Иван Иванович. А что, если я дальше, на другую батарею уеду? — Завьялов смотрел то на меня, то на Кириченко. — Разве вы с лейтенантом для бойцов не авторитет?

— Почему не авторитет? Нас тоже, конечно, слушают, — поспешил уточнить Иван Иванович. — Мне до вины на Сумщине целый конгосп слухався... А комиссара все ж таки бильша слухають. Законно...

— Нет, дорогой, — махнул рукой Завьялов. — Людей надо зажечь, увлечь делом. Кому, скажите, охота рыть окопы, коли известно — бой учебный, никого не убьют. — И тут же приказал мне: — Соберите людей. Я задержу их на пяток минут, не больше.

Легкий ветерок перебирал льняные волосы комиссара. Зажав в ладони пилотку, он то поднимал над головой руку, то быстро опускал ее. И может, от этого каждая фраза казалась чеканной.

Ветераны рассказывали, как под Моздоком Завьялов появился на огневой пушечной батарее. В критический момент боя поднял людей на подвиг. Батарея уничтожила двенадцать фашистских танков. Орден Красного Знамени на груди у комиссара — награда за тот памятный бой.

Слушая Завьялова, я восхищался его умением говорить просто, ясно, а главное — добиваться нужного результата. В тот раз тоже равнодушных не оказалось. Огневая позиция была оборудована в короткий срок.

...Эскадроны снова перешли в атаку. Батареи полка поддерживали конников огнем и колесами. Мы передвигались на левую позицию. Небо давно очистилось от туч. Иещадно налило июльское солнце. Людей одолевала усталость.

У ветхого бревенчатого мостика застрял миномет. Едовой первого уноса * Хамов не справился с парой норовистых капитановых лошадей. Ворчит, ругается, а кони не слушаются, боятся ступить на бревна.

— Стало быть, не идут Манька с Ваьшкой, — смеется на втором уносе Грязнов.

На мостике вырастает Завьялов. Он словно учуял, где возможна заминка, и потому не спешил вперед, ждал, пока все батареи преодолеют опасный участок.

«Что предпримет комиссар? Слопом тут не поможет», — думаю я.

— Уступи-ка место, батайский, — быстро говорит Завьялов.

Хамов спускает от стыда. Но приказ есть приказ. Слезает с коня.

* Передняя пара лошадей в оружейной упряжке. — Здесь и далее примечания автора.

Завьялов удобно располагается в седле, берет на себя повод, активно работает шенкелями, что-то командует Грязнову. Считаешь секунды — и упряжка влетает на мостик.

Батарея продолжает путь.

...Под вечер следующего дня состоялся разбор учений. На обширной лесной поляне были собраны офицеры корпуса.

За деревянным раскладным столиком — командир корпуса Селиванов и незнакомый генерал, представитель штаба Степного фронта.

Селиванов очень корректно сделал замечание командирам кавполков за недостаточно высокий темп наступления. Подошел к развешанной между деревьями огромной карте района учений, отметил указкой рубожи, где эскадроны продвигались крайне медленно.

— У меня все! — Селиванов нажал платком рот, едва сдержав капель.

— Батю нашего чахотка мучает, — услышал я за спиной чей-то шепот.

— Пару слов, Алексей Гордеевич, — сделал знак Селиванову незнакомый генерал.

— Товарищи офицеры, — откашлявшись, объявил командир корпуса, — разбор наших учений заключит инспектор кавалерии Степного фронта генерал Исса Александрович Плиев.

Минутное молчание. Плиев выпол из-за стола. Рослый, с завидной осанкой.

— Командир вашего корпуса не случайно обратил внимание на необходимость высокого темпа наступления. — Плиев обвел поляну цепким взглядом. — Маневренность кавалерии приобретает исключительное значение в современном бою. Наша конница в сочетании с танками — мощная ударная сила, способная быстро развивать успех в глубине обороны противника. Речь идет о создании так называемых конно-механизированных групп...

Мысль Плиева заворожила всех. Я следил за капита-

ном Завьяловым. Он сидел справа от меня. На коленях — полевая сумка. Льняная вьющаяся прядь свисает над записной книжкой. Рука легко скользит по бумаге, он фиксирует каждое слово.

— В составе конно-механизированных групп — кавалерийские и танковые соединения, — продолжал генерал Плпев. — Будучи в распоряжении командующего фронтом, группа вводится в прорыв на наиболее важном участке...

Свободно, уверенно, точно преподаватель на лекции в академии, излагал свои мысли Плпев. Тогда в лесу под Воронежем никто из нас не мог, конечно, предугадать, что инспектор кавалерии Степного фронта очень скоро сам прославится в боях как организатор и руководитель конно-механизированных групп, что он станет видным полководцем, дважды Героем Советского Союза, генералом армии.

После выступления Плпева был сделан короткий перерыв. Командиров задержали еще на некоторое время. Завьялова я потерял из виду. Когда вместе с другими взводными я вернулся на батарею, первое, что мы услышали, был сочный баритон Ивана Ивановича Кириченко:

— Конно-механизирована группа, про яку тилькы цо говорыв генерал Плпев, — цэ сыла, яка будэ рознываты усних настушления...

Бойцы плотной стеной обступили парторга. Увидев нас, Кириченко доложил, что по указанию капитана Завьялова во всех взводах полка проводится краткая пиформация о разборе учений. Подробно комбаты сами побеседуют с людьми утром...

«Ну и оперативность у нашего комиссара», — с восхищением подумал я.

Завьялов знал что делал. Время торопило. Учения были позади, а впереди нас ждали жаркие бои с врагом.

Вскоре корпус вновь совершал марш. Шли к Дюбасу, к реке Кальмыс. Там предполагалось ввести казаков в прорыв.

ПРОРЫВ

Георгий Хурция рысая за вторым минометом на изкорослом буром коне. Черные, как угли, глаза парня светились радостью...

Час назад был привал. Шустрый ростовчанин Иван Кобелев, перехватив у полкового почтальона увесистый бумажный треугольник, показал его Георгию:

— Из Манглиси. Давай лезгинку, комсорг!

И Хурция плясал. Плотное кольцо взвода притонивало, присвистывало, хлопало в ладоши. А когда Хурция стал устывать, в круг втолкнули здоровяка Какуаридзе и маленького застенчивого Пирамидзе. Пляска разгорелась с новой силой...

— Шибче, шибче! — подбадривал Кобелев. И сам не выдержав, птицей полетел по кругу...

Письмо Хурция читал не спеша. На его высоком выпуклом лбу появлялись и исчезали складки. Красиво очерченные губы застыли в улыбке.

— Маманя пишет? — как бы невзначай спросил Кобелев.

Хурция кивнул.

— После боя ответишь, комсорг.

После боя... Это звучало необычно.

Минуло полгода, как Георгий Хурция и его земляки — грузины — прибыли на батарею. Каждый день — занятия. Бесконечные тренировки у минометов. Угломор...

Прицел... Уровень... Он часто слышал эти слова — готовился стать наводчиком.

Корпус уже передислоцировался на донецкую землю, оставив позади изъеденные траншеями крепости-холмы у реки Миус. «Когда же в бой? — спрашивал себя Хурция. — Когда доверят вести огонь по настоящим целям?» И вот вчера сообщили: корпус вводят в прорыв...

Перед выходом на марш Хурция собрал комсомольцев батареи.

— Товарищи! Завтра — бой. Предлагается накоротко провести собрание с повесткой дня: «Личный пример комсомольца в бою».

Голос комсорга звучал приподнято. Говорил Хурция с легким акцентом. На батарее знали: он уморно изучал русский язык — собирался учительствовать в Манглиси.

Выступавшие были немногословны. Командир батареи старший лейтенант Ченчик обрисовал одну из возможных задач, которую придется выполнять. После него взял слово Хурция.

— Мы, огневики, медленно окапываемся. Так ведь, товарищ лейтенант? — Он посмотрел в мою сторону. — А надо быстрее зарываться в землю, быстрее... Живучести батареи — в наших руках. Пам ли, комсомольцам, не подружиться с лопатой?!

Сейчас, когда я увидел охавшего за минометом Хурцию, мне вспомнилось его ичерашнее выступление и невольно подумалось: «А комсорг молодец! Умсет зажечь людей...»

Давно перевалило за полдень. На широченной грунтовой дороге, отутюженной колесами и гусеницами, стоял несмолкаемый гул. Рядом двигалось несколько колонн. Слева, поднимая столбы пыли, прижатую к шлюету колонну полка обгоняли танки. В редких просветах между ними сквозь пылевую завесу просматривались тяжелые артиллерийские поезда. Справа от дороги гуськом шла по

тронке пехота. Где-то впереди ухали бомбы: наша авиация обрушилась на тылы противника. Над головой всхливали белые облачка разрывов — это корпусные зенитки отгрохали внезапно появившуюся «раму».

Все напоминало: линия фронта проходит рядом...

— Командиры взводов, к комбату! — передали по колонне.

Ченчик, на ходу раскрыв карту, объяснил: корпус вводится в прорыв на узком участке только что взломанной вражеской обороны по реке Кальмиус. Батарея действует в составе полка...

За поворотом дороги оказалась обмелевшая за лето река. За ней — изуродованное окопами и воронками обширное холмистое плато. Неяркое сентябрьское солнце оттеняло на нем каждую морщинку.

Хурдия догнал меня на своем буреом коньке.

— Смотрите, смотрите, товарищ лейтенант. Совсем недавно тут были фрицы.

У дороги тлели спарядные ящики. Валялись гранаты с длинными белыми ручками. Чуть поодаль из развороченного окопа торчал ствол немецкой пушки. Под ним разостлано серое одеяло, на одеяле валяются открытые консервные банки.

— Совсем мала река. А смотрите, как за нее держался... Не зря говорят: Кальмиус — путь к сердцу Донбасса. Остановимся, расскажу об этом комсомольцам. — Хурдия придержал бурого, занял место за минометом.

Не умолкая, стреляли наши зенитки... Батарея еще долго шла ускоренным аллюром. Миновали охваченное пламенем село Староласту. Выскочили на пригорок. Перед лесопосадкой завернулись.

— Оборудуйте огневую, — бросил мне Ченчик. — Я подался на НП. Вон зеленый бугор... Видите? — Комбат протянул руку по направлению высотки с кустарником. — За ним, в трехстах метрах, залегли эскадроны. Правиль-

но? — Он оглянулся на сопровождавшего его разведчика. Тот кивнул.

Вокруг трещали пулеметы, глухо рвались снаряды. Мимо огневой медлещи, переваливаясь с кочки на кочку, проехал грузовик. Из кузова донеслись стоны раненых.

Работали споро. Сжимая, как посох, черенок огромной лопаты, Хурция обошел все расчеты. Потом принялся рыть окоп сам.

— Не чини беспокойства молодежи, комсорг! — весело подмигнул ему Кобелев. — Помпирать пшккому не охота. Землицу покидают, как пить дать.

Рядовой Кобелев был заряжающим в соседнем расчете. Хоть ростом не удался, а силенку имел приличную и, главное, проворство.

Я наблюдал за ним. Удивлялся, как ловко он расстелил на траве выгоревший кусок брезента, как разложил, словно рыбины для сушки, десяток гудовых мин и у каждой — матерчатые кольца с зарядами.

Лесопосадка не спасала от солнца. Его косые лучи золотили верхушки деревьев, били в лицо. Взмокнув от пота, кое-кто пытался снять гимнастерку...

Вдруг телефонист с наблюдательного пункта громко продублировал команду:

— Батарея, к бою!

Все бросились к минометам.

Хурция слился с прицелом. Одно, второе, третье движение, и до меня долетело:

— Готово!

За несколько минут пристрелочными выстрелами последовала очередь беглого огня. Мгновенная пауза. И снова очередь беглого огня.

Чепчик остался доволен. Велел передать огневицам «Молодцы!» и временно прекратить огонь.

Похвала комбата обрадовала нас. Особенно Хурцию. Этот большой плечистый дотпна пришел в неописуемый

восторг. Подскочил к моему окопчику, проскандировал:

— Хорошо начали первый бой! Хорошо! Совсем хорошо! — И, насвистывая лезгинку, пританцовывая, пернулся к миномету.

В воздухе послышался противный парастающий вой. Ребята инстинктивно прижались к земле. Перед самой огневой, в лесопосадке, разорвалась мина.

— Никак, калибр сто девяносто миллиметров. — Кобелев подбрасывал на ладони кусочек сизого с зазубринами металла. — Во-о-на осколочек какой... Ихняя мина чуток поменьше нашей...

Телефонист (он поевал еще под Моздоком) спокойно перенес аппарат с бруствера в окоп, деловито прозвонил линию и как бы между прочим заметил:

— Видать, в вилку возьмет. Ему зараз спидручно... Сонце аккурат пысвитило огневую...

К началу открытия огня в расчетах успели отрыть ровники глубиной в два-три штыка. Окопы для минометов только растрассировали. «Надо продолжить работу», — подумал я. Но сделать ничего не удалось...

Дробь пулеметов участилась. С III поступила команда. Батарея вновь произвела очередь по первой цели.

— Проверить установки! — передал телефонист распоряжение комбата.

Наводчики припали к приделам. Хурдия смотрел на угломерное кольцо и, жестикулируя, что-то доказывал своему командиру миномета.

Опять противный вой. Все громче, громче. Чувствовалось: на огневую нацелены сразу несколько мин.

— Расчеты, в укрытия! — крикнул я.

Мощные разрывы, слившись в один громовой раскат, трянули землю. С визгом пронуршали осколки, а там еще разрывы, еще... Так длилось минуты три.

Высунил голову из окопа. Едкий пороховой дым уда-

рил в нос, заслезнились глаза. Услышал чей-то пронзительный крик:

— Хурция убит!..

Георгий распластался всего в полушаге от ровника. Угольки его глаз тускло глядели в небо. Подернутые силовой губы словно застыли в улыбке.

— Где ж ему было уберечься, — тихо сказал Иван Кобелев. — Как ошалелый маячил у прицела — на совесть установки выверял. А мина по самой земле вона как сочет... — Кобелев поднял валившуюся у ног Хурции лопату. — Осколки начисто черенок искромсали...

— Намедни оканываться агитировал, — раздался за моей спиной голос телефониста, — а сам себя не сберег...

Дым быстро рассеялся. Вражеские минометы молчали. Я обошел огневую — больше никаких потерь.

Батарея сделала еще два огневых залета. Ченчик дал сигнал «Отбой». Сообщил: противник начал отход. Затем приказал подтянуть огневые взводы к дороге, подготовиться к движению.

Хурцию хоронили в лесопосадке. Тело его, завернутое в принесенный Кобелевым брезент, Какуаридзе и Пирамидзе осторожно опустили в могилу. Огневики пригоршнями бросали землю. Салютовали автоматными очередями. Клялись отомстить.

В маленьком холмик у ветвистого дерева Иван Кобелев вонзил вешку с деревянной табличкой. Чернильным карандашом на табличке было выведено: «Здесь похоронен сфрейтор Георгий Хурция. Рождения 1925 г. Комсорт батареи».

Раскаленный пятак солища уходил за горизонт. Батарея вытягивалась в колонну. За вторым минометом на буре коньке молчаливо сидел маленький Пирамидзе.

С наступлением темноты полки вышли на свои маршруты. Двигались всю ночь. Донской казачий корпус развивал успех. Впереди был крупный железнодорожный узел Волноваха...

БЫВАЛО И ТАК...

На подступах к Волновухе противник оказал сильное сопротивление. Приданная коншикам танковая бригада пока не подошла. Темп наступления снижался. Эскадроны нуждались в мощной огневой поддержке.

Батарея не оплошала. Стволы минометов накалились до предела — выстрел следовал за выстрелом. В тот день мы израсходовали все наличные боеприпасы. Лишь к вечеру подвезли очередную партию мин.

Хуже было с доставкой снарядов, особенно для взвода лейтенанта Прокурава. Его пушки находились перед нами, в полукилометре. С холма, что прикрывал огневую, я отчетливо видел длинную фигуру Василия Прокурава. Он появлялся то у одного, то у другого орудия. Но добраться туда от нас на бричке со снарядами было невозможно.

Между позициями пушек и минометов протянулся глубокий овраг. На дне протекал ручей.

Утром, наступая за эскадронами, артиллеристы перевезли орудия по старому мосту, перекинутому через овраг. Днем моста не стало — артилетом противник разнес его в щепки.

Сперва Прокурав был спокоен. «Как-нибудь обойдется... Боеприпасы есть. Скоро двинем дальше. Ну, а если останемся на месте, за ночь мост наведут...»

А получилось иначе. Танковая бригада запаздывала.

Непрерывными огневыми налетами противник прижал эскадроны к земле. Сам перешел в контратаку.

Пушки не прекращали стрельбы. Прямой наводкой били по бронетранспортерам, огненным точкам... Прокуран обнаруживал все новые и новые цели, подавал команды... И снаряды таяли.

Спohватился Василий, когда осталось всего три ящика боеприпасов. «Надо беречь, надо экономить»...

Наши минометы тоже выстреливали последние боеприпасы. Телефон в моем окопе не умолкал: комбат поминутно запрашивал о наличии мин.

Мы на огневой понимали: приди сейчас танковая бригада, и обстановка сложится по-другому. За стальной стеной эскадроны понесутся вперед. Ничто не устоит перед их натиском.

День догорал. В багровом отблеске солнца показалось до десятка танков — гитлеровцы, подтянув резервы, продолжали контратаковать. Головная машина немцев устремилась на боевой порядок эскадрона, который прикрывали пушки лейтенанта Прокурана.

Некоторое время Василий молча наблюдал за происшедшим. Взгляд его останавливался то на приближавшихся громадинах, то на своих расчетах, притихших за орудийными щитами, то на низеньком штабеле из трех снарядных ящиков.

В сознании мелькали возможные варианты неравного поединка. «Эх, маловато снарядов!.. А что поделаешь? Надо выстоять, непременно выстоять! Иначе фашистские танки сомнут и его пушки и эскадрон». Стараясь не выдать волнения, Прокуран приказал командирам орудий: — Снаряды разделить поровну! Открывать огонь по моему сигналу!

Он знал: это не выход из положения, по ничогу другого придумать не мог.

Ченчик обрушил на танки противника минометный огонь. Комбат хотел уничтожить сидевших на броне автоматчиков да и, чем черт не шутит, повредить материальную часть: наши пудовые мины кое-что значили!

Рыжеватый дым минометных разрывов подбодрил Прокурапа: «Бить врага легче вместе». Он поглядел в сторону командира первого орудия сержанта Лапина и взмахнул рукой, что означало: пора начать стрельбу по головной машине.

Выстрел прогремел тут же.

— Перелет! — с досадой крикнул Прокурап и снова взмахнул рукой.

Второй снаряд угодил в цель. Танк задымил.

Но Василия в тот же момент оглушило. В нескольких шагах от него разорвался снаряд — гитлеровцы засекли пушку.

К счастью, рана оказалась неглубокой. Выте переносицы осколок едва рассек кожу. Лапин бросился к лейтенанту, чтобы помочь сделать перевязку.

— Нет, нет! — запротестовал Василий. — Пустяки... Я сам. Ведите огонь!

Загорелся еще два немецких танка. Их подбил второй расчет. Лапин следил за правофланговой машиной. Она шла по естественной выемке, и потому сержант видел только верхушку башни. Попасть в нее было нелегко. Снаряд опять перелетел через цель. Корректуру Лапин ввести не успел. Его ранило в ногу.

— Стой, — бросил Прокурап наводчику, который готовился произвести следующий выстрел. — Эту гадюку так не возьмешь. — Лейтенант подбежал к орудью, велел кому-то из номеров помочь Лапину добраться до укрытия, сам вился в бинокль.

Танк медленно приближался. Экипаж его, видимо, уже знал об участии соседних машин и проявлял осторожность.

— Терпение, товарищи. — подбадривал Василий расчет. С повязкой на голове и высоко поднятой рукой, он стоял слева от наводчика, не отрывал глаз от бинокля.

Выемка окончилась, стали отчетливо видны контуры танка.

— Огонь! — Василий резко опустил руку.

После выстрела танк повернулся и застыл с задраным кверху стволом.

Контратака гитлеровцев была сорвана. Уцелевшие машины отползали назад.

Стемнело. Желтые и красные нити трасс потянулись к позициям противника — эскадроны вели пулеметный огонь. «Может, готовится к атаке?» — подумал я. Мои мысли перебил возглас старшего сержанта Сприцына:

— Есть боеприпасы!..

На огневую прикатило сразу пять бричек. Две, со снарядами, предназначались Прокурану. Как их доставить? Ремонтировать мост — бессмысленно. Днем к нему нельзя было даже приблизиться: противник держал под огнем. И сейчас уйдет масса времени...

К пушкам я послал Сприцына. Пусть посоветуется с Прокураном, как быть.

Василий нашел выход. Попросил подогнать брички к самому врагу и дать ему человек двадцать бойцов. Вместе с его людьми они составят цепочку, и снаряды попадут к орудиям.

Сприцын энергично взялся за дело. Бойцы расторопно занимали места в цепочке. В этот момент до меня долетел гул моторов. Снова танки!

В сгущавшихся сумерках Прокурану показалось, что танки где-то совсем близко. А во входе осталось всего три снаряда!..

— Поворачивайся живее! — вырвалось у него, хотя торопить никого не требовалось: бойцы старались изво всех сил.

Шум двигателей нарастал. Прокураи все чаще прислушивался. Час назад гитлеровцы атаковали справа, со стороны Волновахи. Теперь тапки шли вроде бы слева. Не иначе, метили во фланг и тыл эскадронов.

Снаряды быстро передавались из рук в руки. Пора было начинать стрельбу. Судя по гулу, на пушки Прокураи шло тридцать — сорок машин.

Голос лейтенанта потонул в грохоте танков. «Разве остановить такую лавину, будь даже у каждой пушки по тысяче снарядов?! И все равно драться будем до последнего!»

Василий бросился к орудью. Руки привычно легли на маховики механизмов наведения.

Лязг гусениц внезапно утих, двигатели стали умолкать. С живого конвейера к пушкам пришли первые снаряды, а вместе с ними и долгожданная весть: «Подоспели наши танкисты. Ура!»

— Вот так штука!.. — облегченно вздохнул Прокураи.

Как объяснил мне Ченчик, приданную казачьему корпусу танковую бригаду задержал на марше сильный арьергард противника.

Вслед за танками ринулись в атаку и эскадроны.

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ...

В середине октября 1943 года войска Южного фронта прорвали мощную оборону врага на реке Молочной. В прорыв был введен наш казачий корпус. Молниями засверкали клинки в степях Таврии. Пятьдесят — семьдесят километров в сутки с болми проходили конники. Не давали противнику опомниться. Преследовали его по пятам.

Две батареи — наша, минометная, и пушечная — подерживали 214-й кавполк. Артгруппу возглавлял Тишаев.

Я хорошо знал его уже не один месяц. Познакомились на артиллерийско-стрелковом тренаже. Накануне в глубине двора, где стояли наши минометы, я обратил внимание на плечистого старшего лейтенанта с горбинкой на носу и наголо остриженной головой. Расположившись за складным столиком, он вычерчивал какую-то схему.

— Кто это? — спросил я у Спирицына.

— Тишаев. Первый помощник начальника штаба полка. Перед нашим прибытием к нам его командировали в дивизию. Вот вы и не встретились... Очень грамотный офицер. Его у нас все уважают...

— За грамотность?

— Не только. Душа человек. Ясный ум... Воля... Скромность... Да что говорить! Познакомьтесь — сами убедитесь...

Аркадию Спринцину нельзя было не верить. Ветеран полка разбирался в людях.

Утром следующего дня для офицеров проводился артиллерийско-стрелковый тренаж. Руководил Тишаев.

Легко, будто играя, называл он сложные сочетания знаков наблюдения. Кое-кто надолго задумывался. Тогда Тишаев торопил шуткой:

— Противнику надоело ждать. Между прочим, он тоже умеет стрелять...

За неверные решения руководитель не ругал. Подробно и деликатно разбирал причину ошибки.

Закончился тренаж. Тишаев подошел ко мне. Был он очень сосредоточен. Видимо, для него занятие еще продолжалось.

— Простите. Я слышал: вы прибыли на фронт из Первого Ленинградского артиллерийского полка... Интересно, как там полагают: обязательно брать цель в узкую вилку или нет?

Я ответил, что обязательно. Так, мол, и в Наставлении записано.

— Все наставления проверяет война. — спокойно возразил Тишаев. — Чтобы обеспечить в боевой обстановке продем узкой вилки, частенько не достает времени. Да и есть ли в том нужда? Хочу написать об этом генерал-полковнику Воронову...

Разговор незаметно перешел на другие темы. Через несколько минут я уже знал, что Николай Тишаев ушел в армию со студенческой скамьи, что он мечтает о военной академии и больше всего на свете любит путешествовать.

Прошло несколько дней. Во время передислокации полка я убедился, что наш ПНШ-1 обладает еще одним весьма ценным качеством: исключительно быстро ориентируется на местности. Только ему доверял командир полка вести колонну в ночное время, а майор Литвинов превосходно знал и ценил способности каждого офицера.

И Тишаев блестяще справлялся с заданием, даже пользуясь довольно устаревшей картой.

Так было и на сей раз в Таврических степях.

...Поздним вечером, сбив арьергард гитлеровцев, эскадроны ушли вперед. Колонна кавполка порядком растянулась...

— Не отставать! — предупредил комбатон Тишаев. — Двигаться на хвосту *. Иначе заблудитесь.

Опасения Тишаева были обоснованы. В степи пересеклось множество дорог. Езжай, куда глаза глядят, — в пути помех не встретишь. На десятки километров — ни ямы, ни бугорка. Гладь да гладь... Таврия! «Колеса сами катятся», — радовались ездовые.

Зато уж гляди в оба, чтобы не отстать в темноте. Наверняка начнешь блуждать. А то, чего доброго, и к фашистам пожалуешь...

В тот вечер долго рысили — боялись упустить противника. Тишаев держался рядом со мной. Он с тревогой поглядывал на светящийся циферблат часов...

— Порядком времени ушло... Маршрут сомнителен... — Тишаев приподнялся на стремянах, стал осматриваться.

Минуло еще полчаса. Кони взмокли, а мы все мчим и мчим.

— Давайте-ка съедем в сторону, — сделал мне знак Тишаев. — Посмотрим, где мы...

Под прикрытием плац-палатки он поширил лучом карманного фонарика по карте.

— Колодца не видно?

Я завертелся в седле, надеясь различить контуры надземного строения колодца **. Но ничего похожего не приметил. Вокруг, как в песне, только степь да степь...

* У конников это означает двигаться вплотную за едущими впереди.

** В Таврии такие строения достигали значительной высоты.

— Так и есть! — Тишаев сердито отбросил плащ-палатку, быстро сложил карту, сунул ее в планшетку. — Комэски сблизись с пути, мы увязались за ними... Представляете? От предполагаемого рубежа встречи с противником ушли в сторону на десять — двенадцать километров...

Вызвездило. Ночь в открытой степи не предвещала ничего хорошего.

Скакавший впереди комэска признался Тишаеву:

— Держался за бричкой первого эскадрона. Думал, ориентир надежный. А там садовой — тюха-матюха. Продремал поворот. Глаза протер и пу погонять. Коня попустил. Только не туда...

Тишаев не ответил.

Далеко слева всныкнула ракета. Одна, вторая...

— Нам сигнал! — спохватился комэска. — Ищут...

Колонну ПИШ-1 повел сам.

«Держаться на хвосту! На хвосту!» — передавалось от эскадрона к эскадрону, от батареи к батарее.

Мы быстро нашли голову кавполка, пристроились. Но там тоже не все оказалось гладко. Пока в голове кавполка, стоя на месте, выясняли, куда исчез хвост колонны, потерялся противник.

— Як ветром сдуло, — разводил руками упитанный старшина, командир взвода разведки полка. — Тильки, тильки бачили його бия цюго колодзя. З автоматив пуля. Стамнило, и вин зник.

— Хватит! — оборвал его человек в косматой бурке. — Прехлопали...

— Из втаче! Товариш майор, — выпалил старшина. — Знайду.

— Знайду, знайду... — недовольно повторил командир кавполка Данилевич. — А эскадроны в каком направлении прикажете вести?! — обратился он не то к старшине, не то к стоявшим поодаль офицерам.

— На Запад... — пошутил кто-то и осекся, почувствовав на себе строгий взгляд.

Данилевич задал вполне логичный вопрос. От старого колодца, где мы с Тишаевым наблюдали эту сцену, в сторону противника веером расходились три-четыре дороги. Какую предпочесть? Следы от бречек и протекторов шин были на каждой.

Комполка подошел к передвижной радиобудке. Распахнул дверцу. Будку озарял слабый электрический свет.

— Раазверните карту! — приказал Данилевич старшике. — Просту сюда! — кивнул он двум офицерам. — И вы пожалуйте ко мне, артиллерия! — обратился он к Тишаеву.

Все склонились над картой у дверцы будки.

— Мы находимся здесь... — Данилевич ткнул карандашом в точку, которая кем-то уже была помечена... — Противник отходит по дороге на...

— Магдалиновку... — вставил Тишаев.

— Почему?! — поднял на него глаза командир полка. — Предчувствие?..

— Не только...

Сличая карту с местностью, Тишаев высказал предположение, что дороги, расходящиеся веером от колодца, в конце концов сходятся в одну, которая ведет на Магдалиновку.

— Что ж... согласен. Вполне возможно... — майор повертел в руке карандаш... — Магдалиновка — большой населенный пункт. Противник к нему обязательно задержится. Обходить не станет... Итак, двинем на Магдалиновку! — решил командир полка. — Радируйте в штаб! — приказал он.

Разведывод по главе со старшиной первым умчался в ночную степь. За ним последовали эскадроны и нани батареи.

Звезды померкли: небо заволокли тучи. Вокруг стало черным-черно.

Прошел час, другой. Колонна неожиданно остановилась. Десять, пятнадцать минут — ни с места.

Оказалось, разведывод полетел в темноте на какой-то обоа. Старшина стал выяснять, кто и откуда. В ответ послышалось: «Гитлер кацут». Старшина рассвирепел: «Ось дэ вы, проващи души!» Дюжицу немецких повозок с провнантом удалось взять без единого звука.

На рассвете у Магдалиновки полк завязал бой. Тучи разошлись. Заалело небо. И нам с Тишаевым хорошо была видна лихая атака эскадронов.

Полестись галопом по стене, обгоняя друг друга, взмыленные кони. Засверкали над головой всадников остроё клинки. Разворачивались на ходу пулеметные тачанки, поливая врага свинцовым дождем.

Перед самым населённым пунктом эскадроны стали нести потери — гитлеровцы открыли огонь из шестиствольных минометов.

— Два миномета, — определил командир пушечной батареи. — А попробуй подави их. Стоят где-то за селом. Разве отсюда увидишь?

Тишаев прислушался к противному скрипу немецких минометов. «Схватил» направление, взглянул на карту. «Эти штуки не доставят на открытом месте. Обязательно найдут выадыну».

— Сосредоточьте огонь по этому участку, — показал он комбату едва различимую на карте крохотную ложину за Магдалиновкой. — Кстати, туда достанут и наши минометчики.

Обе батареи дали по ложине несколько серий беглого огня. Фашистские «скрилуны» замолчали.

Позже, когда Магдалиновка была взята, мы увидели в ложине брошенные боеприпасы и один поврежденный шестиствольный миномет. Второй гитлеровцам удалось увезти.

Да, Николай Тишаев мастерски ориентировался в боевой обстановке. На сей счет у него словно было развито «шестое» чувство.

«БЫЛ «ЮНКЕРС» — И НЕТУ!»

Есть в низовьях Днепра, у самого лимана, небольшой уютный городок Голая Пристань. Откуда появилось такое название, сказать трудно. Возможно, когда-то здесь и было пустынно. Но в осеннее утро 1943 года городок показался нам очень зеленым и шумным.

Много народу высыпало встречать наш кавалерийский корпус. Ликующие жители вынесли на улицы бутылки вина, корзины фруктов, всякую снедь.

Колонна шла сквозь живой людской коридор.

Девушка в нарядной украинской одежде выбежала на дорогу как раз в тот момент, когда мимо на двух бричках просажали пулеметчики батареи. Она смущенно протянула художавшему немолодому сержанту букет ярких цветов.

Сержант взял цветы и под одобрительные возгласы чмокнул девушку в щеку.

— Молодец, Заварзин! Не посрамил нашего брата, — услышал я окаяющую речь командира пулеметного отделения Ивана Прокаева.

— А то как же, товарищ старший сержант, — сверкнул ослепительно белыми зубами Николай Заварзин. — Нам плошать не гоже...

Заварзин хотел сказать еще что-то, да не успел. Над колонной прокатилось тревожное: «Воздух!»

— Пулеметы — к бою! — Прокаев задрал голову. Желтые кроны деревьев заслоняли небо. Он махнул рукой в сторону ветхой изгороди.

Ездовые понили командира. Несколько секунд — и обе брочки оказались на огороде, по ту сторону изгороди.

— Ну-ка, Дегтярев — Шагни крупнокалиберный, покажи себя, дружище! — скороговоркой вывалил Заварзин и начал готовить пулемет к ведению зенитного огня.

У другого пулемета той же марки ДШК встал Прокаев. «Воздух! Воздух! Воздух!» — дублировали сигнал наблюдатели на батарее.

Цокот копыт и грохот тяжелых брочек заглушили рев моторов. Колонна рассредоточилась. Жители разбежались.

Вместо со взводом я залог у дороги, в кювете. Ввысь падали карабины и автоматы. Прямо над нами почти на бреющем полете пронесся огромный трехмоторный транспортный самолет с крестами на крыльях.

Размеренная пулеметная дробь перекрыла автоматные очереди, выстрелы карабинов.

Самолет замыл ввысь, по курсу не изменил. В синеве утреннего неба вспыхивали белые, как вата, облачка — это рвались снаряды корпусных зениток.

Заварзин прекратил стрельбу. С досады сплюнул, махнул рукой.

— Мазилы! — крикнул кто-то из кювета. — Таким в обзев тащить, а не за пулеметы братья.

Это было слишком. Погрозив кулаком в пространство, Заварзин подбежал к Прокаеву, пустился в объяснения...

Прозвучал «Отбой». Улица вповь ожила. Внезапно прискакал посыльный из штаба. Передал приказ — расположиться на дневку.

Комбат послал меня к пулеметчикам: «Решите, где им лучше выбрать огневую позицию».

— Только не здесь, товарищ лейтенант, — доказывал мне Николай Заварзин. — Видали, как низко шел? Поди обей его, коли он мигом за домами скрывается. Нам высотка нужна...

— Высотка... Оно, конечно, хорошо, — заикал Прокаев. — А сыщи ее...

Вокруг — дворы, забытые войсками. Лишь метрах в ста пятидесяти от нас, перед двухэтажным зданием, была обширная пустая площадка.

Направились туда.

— Годится? — спросил я у Прокаева.

— Пожалуй.

— Нет, товарищ лейтенант. Не то, — блеснул острыми глазами Заварзин. — Тут, ежели он со стороны вдания зайдет, не уареешь...

— На крыше здания должен быть наблюдатель.

— Какой там наблюдатель, товарищ лейтенант, когда наводчику ничего не видно! Наводчику первым делом обзор требуется. Нас в Коврове учили...

— Постойте, сержант, — вмешался было Прокаев.

Но Заварзин трудно было переубедить. Человек он был дотошный, любил, как говорят, в каждом деле до истины докопаться. Я понял это еще три месяца назад, когда Заварзин и Прокаев только прибыли на батарею из Ковровской кавалерийской школы младших командиров. Получили они тогда для отделения два новеньких пулемета ДШК. Никто не знал, как к ним подступиться. Взял Заварзин в руки формуляр. Прочитал. Засел за пулемет. Через два дня каждый винтик на память знал, с закрытыми глазами производил разборку и сборку.

— А что, коли мой пулемет установить на крыше, — предложил вдруг Заварзин. — В том месте, где жесть содрана. — Сержант показал на узкое чердачное окошко, под которым зиял черный прямоугольник.

— Оно неплохо, — согласился Прокаев.

— Тогда действуйте, — заключил я.

Пулемет Заварзина по частям затащили на чердак. Второй ДШК остался на площадке перед домом. Оба пулемета подготовили к открытию огня.

Только я разобрался с пулеметчиками, вызвали на совещание к комбату.

Чепчик собрал всех коммунистов. Так он поступал всегда, когда предстояло что-то важное.

— Командир полка просил передать: выступаем вечером. Всем быть начеку. Не расслабляться. На том берегу Днепра — Херсон. Гитлеровцы по воздуху связаны со своими войсками в Крыму. Самолеты курсируют... Понятно? — Чепчик задержал взгляд на Прокаеве: — Особенно это надо учесть вам, старший сержант. Установите дежурство.

Проверив порядок у огневигов взвода, я снова направился к пулеметчикам. Издали приметил Заварзина. Он возился у треноги пулемета, вросшей в чердачное перекрытие.

— Как устроились?

— Отлично, товарищ лейтенант.

Заварзин не преувеличивал. Облюбованное им место вполне подходило для наблюдения и стрельбы.

У входа в здание я увидел ту самую девушку, что вручила Заварзину букет цветов на дороге. Она старательно очищала от грязи ступеньки крыльца.

От девушки я узнал, что раньше в этом доме была школа. Гитлеровцы устроили здесь госпиталь, а перед уходом из городка привели дом в полную негодность.

Мне захотелось осмотреть здание. Но едва вошел внутрь, сверху послышался голос Заварзина:

— Воздух! Воздух!

Я выбежал во двор.

— Опять транспортный, — сказал Прокаев, прислушавшись к звенящему гулу моторов. — Из Крыма...

— «Юнкерс-52», — подтвердил Заварзин, наводя пулемет на цель. — Ишь, стервец, идет без прикрытия.

— Оно верно. — согласился Прокаев. — С прикрытием у фашистов нынче туго! Это тебе не сорок первый...

Лучи полуденного солнца спроектировали на земле слегка смазанные контуры трехмоторного самолета. Шел он гораздо выше, чем первый. Видимо, утром гитлеровцы еще считали Голую Пристань своей территорией.

— Ну-ка, Дегтярев — Шнагин крупнокалиберный, покажи себя, дружище! — повторил Заварзин излюбленную фразу и нажал на спуск.

К цели потянулись красивые трассы со смертоносными жалами пуль.

— За лейтой следите, Шумаков! — крикнул Прокаев помощнику Заварзина, который, не отрываясь, глядел на самолет.

Снизу я видел слившегося с пулеметом Заварзина. На сухощавом лице сержанта прыгали желваки.

Очередь становилась все короче, будто что-то сдерживало стрельбу. А самолет беззаказно удалялся, пока его не «приняли на себя» корпусные зенитки.

Потом пулемет заглох.

— Что за чертовщина? Заедает... А не должно. — Заварзин поцупал рукой люльку пулемета. — Давай-ка, Шумаков, тащи сюда формуляр...

— Ногодите там с формуляром. Стрелять-то кто будет? — сердито бросил Прокаев.

Заварзин показал на пулемет, установленный на площадке перед домом.

Прокаев согласно кивнул: так или иначе неисправность надо было устранять.

Заварзин придирчиво осмотрел направляющие пазы люльки и сразу понял, в чем дело: в пазы попала грязь во время сборки пулемета на крыше здания.

— А ведь вы докладывали «Все в порядке!». Не так ли, Шумаков? — строго посмотрел сержант на своего помощника.

Тот виновато молчал.

Назы промыли. Заварзин тщательно проверил и слегка смазал каждый. Завершив сборку, доложил командиру отделения: «Пулемет к стрельбе готов».

У меня выдалось несколько свободных минут. Подсчитав оставшиеся в огневых взводах боеприпасы, я было направился к комбату с цифровыми данными. Слышу, снова гудят самолеты.

— Повадились, проклятые, летать среди бела дня, — буркнул Прокаев.

Воздух расиорол короткая встречная очередь. Потом, когда цель оказалась над домом, прозвучала еще и еще одна. Потом случилось то, чего так жаждал каждый из нас: за самолетом потянулся длинный огненный шлейф.

— Есть! — Заварзин от радости подпрыгнул на крыше и так хлопнул Шумакова по плечу, что тот чуть не рухнул вниз. — Был «юнкерс» — и нету! Уразумел? Доставай бумагу. Будем составлять акт...

Корпусные зенитки не умолкали. Немецкий самолет, весь охваченный черным дымом, шел на снижение...

— Товарищ лейтенант! Подпишите, пожалуйста, акт! — подбежал ко мне возбужденный Заварзин и протянул лист бумаги.

— С удовольствием подпишу, сержант. Вы заслужили награду. Сомнений нет: именно наши меткие очереди зажали самолет. Это все видели.

— Видеть-то видели, а оформить все равно надо по всей строгости, как водится у зенитчиков, — скороговоркой бросил Заварзин и помчался к группе кавалеристов, проезжавших невдалеке от школьного двора.

Вечером полк вытянулся в колонну. Батарейцы собрались у пулеметных бричек. Сержант Заварзин — в который раз! — пересказывал подробности минувшего дня.

Корпус навсегда покидал Голую Приставь. Путь наш лежал на Каховку.

РАЗВЕДЧИК ИВАН КНЫШОВ

Марш длился месяц. Начался он под Новый, 1944 год у Каховки, где корпус стоял на отдыхе. Завершился у Шполы, что на Черкасщине.

Переход был тяжелым, изнурительным. Двигались ночью и днем. В стужу и слякоть. В пургу и гололедицу.

Морозным утром 28 января услышали наконец взрывы снарядов, пулеметную дробь. Где-то совсем рядом шел бой.

Подкованные на пинах, мохнатые заиндевевшие кони с натугой тащили по ледяной корке булыжника артиллерийские орудия и минометы. С головы колошны покатилося настороженное «Входим в прорыв». Где? Какой? — об этом знали немногие.

Три дня назад танковая армия генерала П. А. Ротмистрова прорвала вражескую оборону. На Правобережной Украине началась грандиозная Корсунь-Шевченковская операция. Нашему корпусу предстояло развивать наступление танкистов в глубине обороны противника.

В прорыв мы не вошли. Крупными силами пехоты и танков немцам удалось заткнуть брешь в своей обороне. Два танковых корпуса из армии Ротмистрова оказались отрезанными от главных сил фронта.

В конце второго дня нашего наступления начальник штаба полка капитан Падалко докладывал командиру полка майору Литвинову положение дел.

— Что-о-о? Никак не пробьется к нашим танкистам? — сердито переспросил Литвинов, и его смуглое лицо совсем потемнело. — Вы понимаете, Александр Федорович, чем это пахнет? — Майор нервно постучал коротким стеклом по отполированному буркой голенищу. Вся его невысокая, но необыкновенно поджирная фигура, состоявшая, казалось, из одних мускулов, выражала негодование. — Вы понимаете, понимаете, — повторил он, — во что обходится нам топтанье на месте? А почему топчемся? Мало подавляем целей... Эскадроны без нас, артиллеристов, вперед не пойдут. А мы не можем справиться с паршивенькими самоварами...

Порывы ледяного ветра обдавали КП снежной пылью. Литвинов поминутно смахивал с лица колючие крупицы. Может, поэтому он злился все больше.

Свидетелем разговора командира полка с начальником штаба я стал по чистой случайности: поздно вечером прибежал на КП, чтобы вручить капитану Падалко запоздалое донесение от Ченчика.

Задубевшими на ветру пальцами Литвинов долго вертел клочок бумаги, переданный ему начальником штаба, и приговаривал:

— Хитер комбат четыре, хитер — ничего не скажешь. Прошляпал с донесением — решил старшего на батарее прислать. А ось обойдется... Так вот, Александр Федорович, — заключил Литвинов, — передайте Ченчику: я жду от него очередного донесения. Какого — сам знает. И вовремя!..

Ченчик не прошляпал... В полдень командир полка лично поставил ему задачу: подавить батальонные минометы противника, те самые «паршивенькие самовары», о которых он упомянул. Много хлопот доставляли они наблюдательным пунктам полка. Не было от них покоя ни разведчикам, ни связистам.

Пазойливые разрывы-хлопки маленьких мин, оставляв-

них после себя рыжие отметины на снегу, не смолкали ни на минуту. Осколки не давали поднять головы, сокли телефонный кабель.

Минометов у гитлеровцев было четыре — шесть штук. Но упрятать их сумели надежно. Сколько Ченчик ни пристреливал цель, накрыть ее никак не удавалось: самых минометов никто не видел, они безнаказанно продолжали делать свое дело.

— Не иначе, из ямы палат, — уверял Ченчика командир отделения разведки младший сержант Кышпов. — От бисовн души... Ну, хоч бы дымок засветы, — приговаривал он, медленно вращая створотрубку и просматривая каждый подозрительный бугорок.

После длинной очереди беглого огня «паршивенькие самовары» (у нас они значились как цель № 11) умолкли. Ченчик с облегчением вздохнул. Теперь бойцам не угрожали больше вражеские мины. Теперь он мог без зазрения совести написать в донесении, что минометы противника подавлены.

Комбат поудобнее устроился в окно. Достал из пухлой кожаной сумки блокнот, карандаш. Начал писать, но остановился на первой же фразе. Слух уловил едва различимые в пулеметной трескотне звуки, похожие на старческий кашель: спова открыли огонь минометы врага.

— Ну и ну... — От досады Ченчик сломал карандаш. Скомадовал батарее возобновить стрельбу по цели № 11.

Часа через три комбат прислал ко мне телефониста с донесением, которое надо было немедленно доставить командиру полка. Злополучная цель оставалась неподдавленной.

...С КП командира полка я ворзулся на огневую. Ветор утих. Подмораживало. Луна мягко высвечивала на снежном ковре глаанцы воронок.

По телефону я сообщил Ченчику, что выполнил его приказание и передал донесение командиру полка. О ре-

акции Лятовина расиространяться не стал. К чему было волновать комбата!

Ночь прешла относительно спокойно. А чуть забрезжил рассвет, снова «закашлялись» немецкие минометы.

Нелегко было комбату разделаться с ними. По артиллерийским канонам, поскольку цель ненаблюдаема, предстояло вести огонь по площади. Это означало, что будет ухлопано много времени и боеприпасов. Чепчик не мог позволить себе такую роскошь: батарея привлекалась для стрельбы по многим целям. Нужен был иной выход.

«А что, если сделать минометы противника наблюдаемыми?» — эта мысль не покидала Ивана Книшова. Затаившись в белый маскхалат, младший соржакт несколько раз отползал в сторону от НП, забираясь на подбитый немецкий танк, вскидывал к глазам бинокль, изучая местность.

Утром на огненую пришла запоздалая весть: танкисты Ротмистрова овладели Шолой, позавчера достигли Звенигородки. Выходит, пока мы отражали атаки гитлеровцев, наши танкисты успешно действовали у них в тылу.

Парторг батареи Кириченко начал беседовать с людьми. «Ай да танкисты, ай да молодцы! — в один голос твердили солдаты. — Далече ушли... А мы заладили «цель номер одиннадцать» и — ни с места!..»

Беседу парторга прервала очередная бомбежка. В разгар бомбежки позвонил комбат. Приказал встретить младшего сержанта Книшова и выделить в его распоряжение телефониста с двумя катушками кабеля.

— Будем занимать боковой НП, — заключил комбат.

Я невольно пожал плечами. Зачем? Какой боковой? Или не расслышал? От грохота взрывов звенело в ушах...

Все стало понятно с приходом Ивана Книшова. Командир отделения разведки обнаружил пичейную высотку, откуда паверняка просматривались минометы противника.

Напрямую к высоте не добраться: каждый метр пристрелян вражескими пулеметчиками. Круглой путь лежал через огневую, далее по глубокой балке, что отходила от ложины.

Наши зенитки напугали немецкие самолеты. На несколько минут воцарилась тишина. Мы с Кириченко слушали Кнышова.

— Тёмный я человек, товарищ старший лейтенант, — повернул под конец Кнышов свою излюбленную поговорку. — Лущивать меня треба. Два часа глядя на тот бутор, а тильки опосля смекнул: ничейный оп. Заберысь туды намедни — каюк фрицевским «самоварам»...

Кириченко подмигнул мне. Парторг, как и я, воспринял признание Кнышова как шутку. Мы оба понимали: не ниустую потратил он два часа. «Тёмный человек» считался лучшим разведчиком в полку. По-юношески долговязый младший сержант с приятной застенчивой улыбкой отличался природным умом, находчивостью, расторопностью. К тому же за его плечами была десятилетка. Но парень старался ничем не выделяться среди других и даже изъяснялся, как его земляки, на таком ростовско-украинском диалекте.

Вместе с телефонистом Кнышов двинулся в сторону балки. За ними, извиваясь, ложилась на снег черная жила кабеля.

— Хлопец не промах! — бросил мне Кириченко, наблюдая за Кнышовым. — И ориентируется, видать, правильно...

Час назад у входа в балку Кириченко заметил группу автоматчиков в масках. Когда справился, кто и откуда, выяснилось: дивизионные разведчики.

Комбат не давал огневикам скучать. Пока боковой НП не вступил в действие, батарея стреляла по вражеской нехоте, накапливавшейся для атаки. Залпы следовали один за другим.

В ложину, где располагалась огневая, стало сумрачно. Голубизну неба затягивало непроницаемой тесной. Утренний морозец смеялся оттепелью.

Кнышов дал знать о себе не скоро. Нелегко было идти по заснеженной балке. Взабираться на ничейную высотку пришлось к тому же под сильным орудийным огнем. Они с телефонистом ползли, ощущая под собой размякшую землю. А над головой с визгом проносились осколки снарядов.

— Шибче, шибче! — подгонял Кнышов телефониста. Ему не терпелось быстрее достичь кустарника на правом скате высотки, за которым, казалось, удобнее всего будет укрыться и обезвредить местность.

Чуть не обмануло разводчика. Четыре вражеских миномета оказались перед ним как на ладони. Стоят в глубокой выемке. Тут же два бронетранспортера с боеприпасами.

— Связь есть! — доложил телефонист, укрепляя аппарат у корневища кустарника.

Четко провел Кнышов трудную для артиллеристов пристрелку с большим смещением. Сразу же перешел на поражение.

— Какое, какое вам, бисовы души, — приговаривал он, глядя в бинокль.

А на огневой кипела работа. Кириченко пошел от расчета к расчету, проперял установки, маркировку миш. Глаза, как всегда, лучились, губы шептали:

— Bravo Кнышов! По-комсомольски действует...

Вскоре с бокового НП поступила команда «Стоять! Заинсать!».

Цель № 11 больше не существовала.

Кнышов ликовал. Но зря тащились они сюда, утопая в снегу! Не зря разматывали километр кабеля! А ожели попробовать и другие цели?.. Еще раз оглядел в бинокль

местность. Ничего особенного!.. Другие цели попадали уже под обстрелом других батарей.

Час спустя Ченчик приказал оставить боковой НП. Причину объяснил просто: активность противника иссякла. Книшов и сам это заметил. Даже на ничейной высоте, под боком у позиции гитлеровцев, больше не рвались снаряды.

Телефонист отключил аппарат.

— погоди, — тронул его за плечо Книшов. — Не разберу, шо воно за штука. — Бинокль его был направлен в сторону группы деревьев, торчавших у выхода из балки. — Танк, чи шо?

— Видать, немецкая самоходка, — наобум подсказал телефонист. — Пушка ее...

— Тыфу, — перебил Книшов. — Тамный я человек. Та па ж наша тридцатьчетверка. Вот штука!.. А чога вона тут? — И быстро бросил телефонисту: — Жди!

Побежал вниз. Кубарем скатился в балку. Встал. Проверил автомат. И — дальше... Тонкие почерневшие стволы деревьев чуть-чуть прикрывали стальную машину. От нее тинулся трес. За пригорком стоял тягач. Двое в оцинкованных полуплукбах и танкоплемах копошились у кормовой части.

«Наши!» — уверил себя Книшов и вышел из-за укрытия.

Танкисты оказались ремонтниками из 20-го корпуса армии Ротмистрова. Они вернулись из Шполы за командирской боевой машиной, что вышла из строя во время атаки. Машина получила незначительные повреждения, и ребята рассчитывали доставить ее в часть своим ходом.

Рассказ танкистов-ремонтников немало удивил Книшова. «Не иначе как разыгрывают, черти», — решил он, а вслух провзнес:

— Буде, хлопци, дурака палать. Немцы загодя дорогу перекрыли. Як же вы из Шполы сюда?..

— И этот не верит! Русским языком тебе говорю: шли на тягаче из Шполы через Лебедин. Всего-то расстояние двадцать пять километров. И никаких немцев не повстречали, — в сердцах сказал один из танкистов.

— Стало быть, имеется коридор? — ни к кому не обращаясь, произнес Кнышов.

Ему не ответили. У парней в полушубках были свои заботы.

С налитого свинцом пеба густыми длинными хлопьями повалил снег. Кнышов разыскал телефониста, сказал, чтобы тот собирал свое хозяйство и возвращался на нашу огневую позицию, и сам быстро зашагал в том же направлении.

Увидев разведчика, мы поняли, что большую часть пути он не шел, а бежал: юююта еле держался на ногах. Но лицо его светилось счастьем.

— Есть коридор. Через него пройдет вся дивизия, весь казачий корпус!

Вскоре позвонил Ченчик. Он приказал мне вместе с Кнышовым отправиться на командный пункт полка.

Выслушав доклад разведчика, майор Литвинов спросил капитана Падалко:

— То же самое, по-моему, утверждают дивизионные разведчики. Не так ли, Александр Фодорович?

— Так. Полчаса назад из штадива сообщили...

Кнышов побавровел:

— Тамный я человек. Семь потов согнал с себя. А за ради чего? — буркнул он мне и уже совсем другим тоном спросил у командира полка: — Разрешите идти, товарищ майор?

— погодите. — Литвинов крепко пожал руку младшему сержанту. — Благодарю за находчивость, за выбор бокового ИП. Важную вы уничтожили цель. — И, повернувшись ко мне, добавил: — Передайте Ченчику, чтоб представил реляцию. Буду ходатайствовать перед команди-

вом о награждении младшего сержанта Кнышова орденом Красной Звезды.

Под вечер, спявшись с огневых позиций, полк вслед за эскадронами двинулся на Шполу. Через узкий коридор, простреливаемый артиллерией противника, прошла вся наша 63-я кавдивизия.

© DSPL.RU/ELIB

ВАСИЛИЙ СПРАВЕДЛИВЫЙ

Коники вышли, как говорится, на оперативный простор. Ночью миновали Шполу. По заснеженному шоссе двинулись дальше, к районному центру Ольшана.

Наша и вторая пушечная батарея старшего лейтенанта Дьяченко были вместе, поддерживали 223-й кавполк. Чепчик и Дьяченко ехали рядом. Оба в бурках. Оба на рыжемастных лошадях. В остальном у комбатов было мало сходства. Иван Чепчик, бледнолицый, острый на язык крепыш, очень любил подзадарить чернявого рассудительного во всем Василия Дьяченко.

Тогда, на дороге к Ольшане, Чепчик вдруг и полюбопытствовал:

— Слушай, Василий, чего это тебя Справедливым называют?

Двигаясь чуть поодаль, я слышал, как Дьяченко грозно парировал:

— Каждый от меня по заслугам получает. И ты, Иван, свое получишь за шпильки...

Чего он тогда разъярился, я так и не понял по сей день. Дьяченко слыл в полку одним из лучших командиров. Умел быстро подбирать ключи к солдатскому сордцу. Самых отпетых разгильдяев переводили к нему в батарею на исправление. И он исправлял.

...Был у нас боец Самсонов. Бздовым в хозваведе полка числился. Одни неприятности командирам достав-

лял — то спиртное употребит, то драку затеет, то на час другой и вовсе куда-то исчезает. Все кругом разводили руками: что с ним сделаешь? Детдомовский, рос сиротой. И вот направили Самсонова к Дьяченко на батарею. Тот без колебаний определил нарушителя в оружейный расчет, стал готовить из него заряжающего. Спуску не давал. Провинится Самсонов — командир орудия накажет, отличится — поощрит. Весь расчет взялся за поповичка. Отменным бойцом его сделали.

Офицеры, бывало, по раз просили старшего лейтенанта Василия Дьяченко поделиться опытом воспитательной работы. Но в ответ всегда слышали одну и ту же фразу: «У меня все по справедливости». Так в шутку и прозвали командиры пушечной батареи Василием Справедливым...

Так вот, по дороге к Ольшане разговор между Дьяченко и Ченчиком грозил окончиться неприятной стычкой. Но Ченчик не успел ответить своему другу. Недалеко в кювете разорвался снаряд. Коня шарахнуло в сторону. Кто-то крикнул: «Слева — танки!»

Колонна остановилась. Дьяченко мигом развернул батарею на пригорке справа от дороги. Ченчик, взяв с собой разведчиков, поскакал к командиру полка. Мне велел выбрать огневую позицию за пушками на небольшом удалении.

Осмотревшись, я заметил неглубокий овраг метрах в трехстах от дороги. Туда и направил упряжки с минометами.

Близился вечер. В серой пелене сумерек угадывались контуры трех вражеских танков.

— Руутся, гады, на шоссечку, — услышал я хриплый голос коновода.

Первое и второе орудия из батареи Дьяченко открыли огонь. Головной танк загорелся. Два других, застыв на месте, не прекращали стрельбы.

В обоих расчетах вышли из строя наводчики. Орудия остались без щитовых прикритий: их снесли вражеские снаряды.

Вместо наводчиков к панорамам встали заряжающие. И тот самый Самсонов, которого в хозяйстве считали отпетым человеком, подбил танк.

— Так держать! — прокричал Дьяченко, но тут же мысленно прикинул: «Без щитов расчетам не устоять!..»

С наступлением темноты гитлеровцы не решились продолжать атаки. Батарея выдержала единоборство с танками. Но Дьяченко понимал: это лишь первый натиск.

Ольшана оказалась совсем близко. Ченчик передал по телефону с наблюдательного пункта:

— Вижу крайние хаты... Скопление пехоты... Готовьтесь к открытию огня!

Ударили наши минометы. Накрыли одну цель, вторую. Потом поступила команда оборудовать огневую по всем правилам.

Стали зарываться в мерзлую землю. А тут — посылный от Дьяченко:

— Вы старший на батарее?

— Я.

— Комбат просил прислать артмастера.

— А где вал собственный?

— На месте. Работы больно много. Одному не управиться. Как-никак два щита требуется поставить...

Вызвал артмастера. Младший сержант Данцев с сумкой через плечо, до отказа набитой инструментами, последовал за посыльным.

Противник не проявлял активности. Земляные работы на огневой шли полным ходом. «А почему бы мне не побывать у Дьяченко, не узнать самому, что к чему?»

Комбат два в стороне от орудий отдавал старшине какие-то распоряжения. Увидев меня, поинтересовался:

— Видал, как щиты полетели?

— Да.

— Такая же штука приключилась у меня с одной пушкой на Северном Кавказе, под станицей Александровской... Только днем. Сейчас, в темноте, дело проще. Наладим. Людей вот не вернем, — вздохнул комбат, — а циты поставим. — И снова обратился к старшине: — В помощь артмастерам выделить по два человека из третьего и четвертого расчетов. Задачу поставлю сам.

Старшина ушел. Дьяченко обрисовал обстановку, высказал предположение, что утром будет жарковато.

— Потому и артмастера попросил. Тороплюсь. Утром танки наверняка наведуются...

Один за другим подошли четыре солдата.

Вернулся старшина. Обвел взглядом бойцов. Подошел к комбату. Что-то шепнул ему. Дьяченко от неудовольствия покачал головой. Отвел старшину в сторону. Вполголоса проговорил:

— Прошу вас, старшина, не делать исключений...

— Товарищ старший лейтенант, — настаивал старшина, — можно же обойтись без старика. Гляньте, — кивнул он в сторону одного из бойцов, — устал старик. А ему броню тягать...

При свете луны я присмотрелся к скуластому бойцу с задумчивыми темными глазами и, признаюсь, ничего старческого в нем не заметил. Усталости тоже. На вид ему было под пятьдесят.

Дьяченко махнул рукой. Дал понять старшине, что разговор окончен. А тот не унимался:

— Не гоже, не гоже, товарищ комбат. Пойду взгрею командира расчета. Я ж ему наказывал не трогать старика...

— Товарищ старшина, — тоном, не терпящим возражений, отрезал Дьяченко, — в батарее все солдаты на одинаковом положении. Повиотно? Ни у кого нет привилегий. Последний раз предупреждаю. Идите!

Происшедшее было мне непонятно. Хотел расспросить старшину. Но тот, буркнув что-то под нос, растаял в темноте.

За мной прибежал коновод: комбат Ченчик приказал по телефону — немедленно менять огневую позицию.

На темном небосводе то тут, то там полыхали пожары. Причудливые фигуры вырисовывали трассы пуль. Вдали вспыхивали мутно-желтые немецкие ракеты. Мы двигались в район новой огневой...

Артмастер Данцев пришел утром. Сбросил тяжелую сумку с инструментом, стряхнул снег с шинели, сказал:

— Уморился за ночь порядком. Да не зря. Наши пушки такого перца фрицам задали! Эх, кабы вы видели, товарищ старший лейтенант...

Кое-что я уже знал. На рассвете батарея Дьяченко подбила пять танков. Эскадроны 223-го кавполка на плечах у противника ворвались в Ольшану. На ее восточной окраине завязался ожесточенный бой...

Только одного я не мог уяснить: почему так строго говорил комбат два со старшиной?

До позднего вечера батарея вела огонь по сахарному заводу, где засел противник. Позже опять меняла огневую, ближе к боевым порядкам эскадронов.

Давала себя знать распутица. Колеса по ступицам вязли в липкой кашнице, и мы с превеликим трудом добрались до места.

Эскадроны залегли под сильным артогнем. Гитлеровцы, укрепившись в селе Вербовка, что вплотную примыкало к Ольшане, отчаянно сопротивлялись.

К ночи стрельба утихла. Ченчик пришел на огневую: комбата интересовало, как мы устроились на новом месте.

Я, между прочим, поведал ему о бойце, из-за которого у комбата два разгорелся сыр-бор со старшиной.

— Так и сказал: ни для кого нет привилегий? Ну и Василий Романович... Ну и Справедливый! — от души хохотал Ченчик.

Мне было невдомек, что все это означало. Заметив мое недоумение, комбат пересилил смех:

— А знаете, кто тот босс?.. Батько Справедливого — Роман Леонтьевич Дьяченко...

© DSPL.RU/ELIB

ПЕРВЫЙ РАСЧЕТ

Ветер разгулялся не на шутку. Закружились, заметались над огневой колючие снежные вихри...

— Веху! Скорее веху! — крикнул наводчик первого миномета Николай Сазонов.

Отвернувшись от прицела, он смахнул с лица комья мокрого снега. Удивленно поморгал длинными ресницами. Потом, словно досадуя на себя, пожалопался командиру миномета:

— Понимаете, товарищ сержант, дрянь дело: не вижу точки наводки.

— Понимаю... Да на таком ветру веха не устоит. Отмечайтесь по трубе. Вон на той хате... Видите? — Завалев показал на дом с высокой крышей и бревенчатой пристройкой, стиснутой снежными сугробами. До него было не более пятидесяти метров.

— Вижу! Даю отчет...

Первый миномет вновь открыл огонь. Выстрел. Выстрел. Еще один.

— Стой! — передал я Завалеву: с наблюдательного пункта поступила команда — прекратить стрельбу. Ченчик велел мне поблагодарить первый расчет: «Молодцы! Мины положили точно».

Завалев обычно как дитя радовался похвале комбата. Но на сей раз воспринял благодарность холодно. Посмот-

рел на меня своими серыми с лукавничкой глазами, ухмыльнулся:

— Неужто мы и есть молодцы, товарищ старший лейтенант? Каков сегодня число, Сазонов?

— Шестнадцатое февраля...

— Ну вот, пожалуйста, — продолжал Завалаяев, — четвертый день ведем огонь по той Шендеровке, а фашиста никак не выкурим. И кабы мы одни стреляли... Вся артиллерия дивизии грохочет. А толку что?

Завалаяев явно ошибался. На Шендеровку было нацелено по меньшей мере в три раза больше орудий, чем он полагал. И толк был, да еще какой! Но никто из нас не знал, сколько немцев предстояло выкурить...

Сюда к Шендеровке — небольшому, спрятавшемуся за холмами селу — уже несколько дней подряд стекались остатки десяти вражеских дивизий — все, что уцелело в боях под Ольшаной, Квитками, Городищем, Стеблевым... Возглавлявший в то время немецкую группировку артиллерийский генерал Вильгельм Штеммерман предпринимал отчаянные попытки вырваться из кольца окружения. Но его планы рушились один за другим.

Наша огневая позиция находилась в соседнем селе — Комаровке. Впереди, в двух километрах от нас, протянулась длинная заснеженная ложбина. В ней засели немцы. За ложбиной начиналась Шендеровка.

Контратаки врага не прекращались в тот день. Большие группы танков и пехоты с яростью бросались навстречу лавине нашего артиллерийского огня и откатывались назад.

К вечеру разыгралась настоящая пурга. Вокруг стояла сплошная снежная стена. Ни зги не видно. А батарея то и дело переносила огонь с одной цели на другую.

— Ого-о! — Завалаяев отдернул руку от ствола миномета. — Здорово раскопегарили самовар. Горяча труба...

По телефону я узнал от комбата: из Шендеровки выдвигаются бронетранспортеры. «Прут, гады. — говорил уставшим голосом Ченчик. — Пурга им на руку. Подготовь побольше мип».

Залп следовал за залпом. В расчетах едва успевали подносить боеприпасы.

— Хорошо! Совсем хорошо! — выкрикивал телефонист, повторяя слова комбата.

Грохот артиллерийской канонады, перестук крупнокалиберных пулеметов, истошный вой ветра — все слилось в один сплошной гул.

Наконец поступила долгожданная команда «Стой! Записать установку!». Ченчик велел оставить на огневой один дежурный расчет. Остальным — отдыхать.

Я собрал командиров минометов. На кого возложить дежурство?

— Доверьте моему расчету, — попросил Завалиев.

— Ваши люди устали больше других.

— Нам по штату положено. Расчет-то первый. Пристрелку всегда мы начинаем...

— Поэтому и отдохните, коли есть возможность.

— А ежели оживут старые цели? У нас по ним самые точные данные.

— Резонно!..

...Я стоял на пороге той самой хаты, труба которой служила Сазонову точкой отметки. Дверь приоткрылась. При свете карманного фонаря увидел женщину в сером клетчатом платке:

— Здравстуйте. Проходите, будь ласка. Не знала, что в такой час до меня гости заходят.

В просторной хате легко разместилось человек двадцать огневигов. Федора (так звали хозяйку) радушно предложила нам кастрюлю вареников. Поблагодарив женщину, хлопцы начали устраиваться на ночлег: дали о себе знать несколько бессонных ночей. В хате наступила тишина.

— Ца уси ваши? Шось я не бачу того лысого, що бун тут вранци, — смущенно сказала хозяйка.

Я сразу понял: речь шла о Заваляеве. Утром в минуты затишья он отпрашивался, чтобы сбежать к хате побриться. «Хоть убейте, не могу терпеть, когда башка не брита», — жаловался мне.

По общему мнению батарейцев, у Анатолия Заваляева была красивая, «форменная» лысина. Но okayмляли ее, как на грех, рыжеватые волосы. Их-то сержант и не выносил. Голову брил дважды в неделю в лобой, как он горючил, фронтовой обстановке. И это, видимо, не было прихотью. За Анатолием давно укрепилась слава человека правильного во всех отношениях. Был он откровенен, пыскателен, заботлив. Его манеры воспринимались как образец. В расчете ему подражали. Николай Сазонов души не чаял в своем командире. Держались они всегда вместе, ели из одного котелка, но Сазонов называл Анатолия не иначе как «товарищ сержант».

Заваляев находился на батарее со дня ее формирования. Участвовал в боях за Кавказ. Первым в полку был награжден медалью «За отвагу». Сазонов прибыл в расчет ножке, когда корпус подошел к его родному Тихому Дону. Заваляев обрадовался интересному разбитному парню. Помог ему стать искусным наводчиком. Они подружились...

— Лысый там, Федора, — кивнул я в сторону поля. — Дежурит.

— От бидолага. На двори ж такэ робыться...

— Ничего, выдержит. Хлопец бедовый.

Хозяйка не ответила. Причмокивая, покачала головой. Вышла в сени.

Я растянулся на соломенной подстилке у окна. Прислушался. За окном бушевала пурга. Свист ветра порой заглушали мощные разрывы. «Бомбежка? Кто летает ночью в такую погоду? И все же это разрывы бомб. Где

бомбит? Чьи самолеты?» Эти мысли не давали заснуть. Встал. Набросил поверх шинели бурку. Вышел из хаты. Ледяной ветер обжигал лицо. С трудом вытаскивая ноги из сугробов, побрел к огневой.

Не прошел и нескольких метров, встретил хозяйку.

— Там була. — показала женщина в сторону огневой. — Лыгому вареники виднесла. Хай петь разом з хлопцями. Тепліше всім буде...

Завалев не ждал меня и явно растерялся. Потом приподнялся над окопом, вытер рукавицей губы, проговорил:

— Видали? Ну и хозяйка. Тут война, а она — вареники.

И уже совсем спокойно пригласил спуститься в окоп. Там, сидя на корточках вокруг здоровенной махитры, пятеро молодцов за обе щеки уминали вареники.

— Угощайтесь, — предложил Завалев. — Таких средю не едал. Мастерца!

Настроение командира и номеров расчета порадовало меня. Коль у людей хороший аппетит, не так плохи и дела.

— Кто бомбил? — заинтересовался я.

— Наши «кукурузники» сбросили гостинцы Штоммерману.

Ночная трапеза внезапно окончилась. К окопу подбежал телефонист:

— Товарищ старший лейтенант, у аппарата комбат!

Ченчик приказал дежурному расчету «на всякий случай» открыть методический огонь по последней цели — отдельному дому у выезда из села. Интервал — выстрел через каждые две минуты.

— Понятно? — Комбат объяснил, что, по данным разведки, танки и бронетранспортеры с офицерами из дивизии СС «Викинг» и мотобригады «Валлопия» идут паролем, пытаются вырваться из Шендеровки навстречу своим...

— Сволочи, — выругался Сазонов и стал облизывать пальцы. — Такое удовольствие испортили. — Повернулся к рядом сидящему Какуаридзе: — Припречь, дружок, по судину... За дело!

Какуаридзе был в расчете заряжающим. Сазонова он понимал по выражению глаз.

— Мины? Пожалуйста. Сколько надо — столько есть. — Какуаридзе с силой потянул на себя плащ-палатку. Под ней на дне окопа в деревянных ящиках лежали подготовленные к стрельбе мины.

Пурга начала стихать. На темном небосводе вспыхивали багряные зарницы. Все вокруг стопало от разрывов сотен снарядов и мин. Артиллерия трудилась без отдыха. Шендеровка была в огневом мешке.

Какуаридзе легко подхватывал пудовую мину. Большими, как лопаты, кистями рук удерживал ее над стволом. Затем по сигналу Завалева осторожно, точно боялся что-то разбить, опускал вниз.

— Выстрел! — выкрикивал Сазонов и тотчас проверял наводку.

Так продолжалось около часа. До рассвета. И вдруг возглас Завалева:

— Немцы! Смотрите! Вон, вон бегут...

Со стороны долины прямо на Комаровку мчалась масса гитлеровцев. В серой предрассветной дымке трудно было различить боевой порядок. Да и прийд ли он был вообще. К селу приближалась толпа разъяренных людей, готовых на все ради спасения собственной шкуры.

Справа и слева заработали наши пулеметы.

— По пехоте! — подал команду Завалев. — Осколочно-фугасной... Взрыватель осколочный...

Первый расчет открыл огонь прямой наводкой. Тем временем я отправил телефониста за огневицами, доложил комбату обстановку.

Меткие пулеметные очереди и разрывы мин рассеяли фашистов, но не остановили их. Противник продолжал наступать. За автоматчиками тянулся обвал...

— Огоны! — неистово повторил Завалаев.

У Какуаридзе горело лицо. Взмок лоб. От усталости потускнели глаза. Зато руки, словно два мощных рычага, без устали поднимали и осторожно опускали в ствол мину за миной.

Немцы приближались с каждой секундой, а в расчете, как на грех, получилась заминка: глубоко в грунт ушла микрометровая плита.

— Как будем стрелять? — сокрушался Какуаридзе.

— Давай крышки от ящиков! — крикнул Сазонов.

Вдвоем вытащили плиту, подожгли под нее доски. Николай уточнил наводку. Готово!

— Четыре мины, беглый огонь! — торопил Завалаев.

На огневую прибежали другие расчеты. Я хотел было открыть залповый огонь. Но что это? Сзади на противника обрушилась атакующая цепь нашего эскадрона. И сразу над немецким обозом заметнулся белый флаг...

— Батарея, стой!..

В Комаровку вступала колонна пленных. Худые, бледные, волосатые лица. На головах у многих — жепские платки. Вместо шинелей — шубы и кацавейки.

— Ну и войско у Штеммермана! — не выдержал Сазонов.

Главная улица Комаровки с трудом вмещала повозки и машины, наседавшие друг на друга. Колонне пленных не видно было конца.

Отпросившись у Чепчика, я решил посмотреть, что делается в лоцине. Вместе со мной поехал Завалаев.

С трудом пробившись сквозь встречный поток пленных, мы миновали Комаровку. Лоцина и примыкавшая к ней равнина превратились в громадную свалку военных трофеев. Здесь можно было увидеть все виды боевой тех-

ивки, от пистолетов и автоматов до тяжелых танков и гаубиц. «Опнели», «бенцы», «фнаты», «шководы». Горы боеприпасов. Тысячи телег и фазтонов. Ящйки с провиантом и тюки с награбленным барахлом. Все перемешано, свалено в кучу. И среди этого хаоса вещей и предметов — гитлеровцы. Живые и мертвые.

Те, кто еще могли двигаться, искали, кому бы сдаться в плен. Раненые ждали помощи. Ничком лежали убитые...

Потрясенный увиденным, я не сразу слышал слова Завалаяева:

— Смотрите, смотрите! Нас кличет старший лейтенант Кубанцев.

Размахивая над головой шапкой, нас действительно звал к себе Кубанцев.

Подъехали. У разбитого черного димузина лежал труп немецкого генерала. Худое сморщенное лицо уже подернулось сплешовой. Шинель распахнута. Пальцы рук сжаты в кулаки.

Тут же с помощью переводчика допрашивал пленного офицера Кубанцев. Рядом о чем-то переиспытывались наши бойцы-разведчики.

— Кто это? — спросил я старшего лейтенанта, показывая на труп.

— Вильгельм Штеммерман.

В РАСПУТИЦУ

Отгремели бои у Корсунь-Шевченковского, и наш гвардейский казачий корпус устремился к Южному Бугу.

Кавалерия в ту весеннюю пору 1944 года была в особом почете. Распутица невообразимая. По раскисшей земле с трудом ковыляла уставшая пехота. В грязном месиве надолго застревали машины с техникой. Даже танки старались обходить его стороной.

А лошадки топали. Топали день и ночь, по дорогам и бездорожью. Им не давали отдыха. Нельзя было допустить, чтобы противник закрепился на Южном Буге.

...На подступах к Умаи нашу колонну на марше проверял командир дивизии генерал-майор К. Р. Белошничко. Батарея на рысях промчалась мимо него. Вдруг на пути ветхий мост через канаву. Перешли с рыси на шаг. Колеса уже начали считать доски. Ну, думаю, провет. Не тут-то было!..

Сразу за мостом нагнал меня командир второго расчета сержант Писарев.

— Товарищ старший лейтенант, беда!

— Что случилось?

— Бричка Бабаева застряла...

Повернули коней назад. Поскакали к мосту. Оттуда доносилось многоголосое: «Разом взял-и-и!», «Еще взял-и-и!».

Бойцы, облепив бричку, пытались вытащить задние

колеса, которые по самые ступицы провалились в яму у въезда на мост.

— Ну-ка еще разок взяли! — завопил какой-то верзилка и уперся плечом в задок брички. — А ты не спи, красавец, — цыкнул он на Бабаева. — Погоняй лошадей, зевака...

— Вперед, вороны! Вперед! — на высоких нотах прокричал Бабаев. Он был явно растерян, этот щуплый черноглазый паренек, и, может, потому казался в тот момент совсем малышом в толпе рослых солдат.

Сильная пара вороных рванула бричку. Что-то заскрипело, хрустнуло...

— Стой! Стой! — гаркнул басом Писарев.

Но было поздно. От брички отделилось заднее правое колесо, сломалась ось.

— Теперь форменная пробка, товарищ старший лейтенант. Смотрите, что делается. — Писарев ткнул рукой в сторону длиннющего хвоста колонны, растянувшейся за мостом.

К бричке приблизился генерал.

— Ваша? — спросил он меня. И, не дожидаясь ответа, распорядился: — Освободите проезжую часть моста.

Я велел солдатам разгрузить бричку. Восемь ящиков с минами быстро перенесли на землю, в сторону от дороги. Туда же легко подтащил и самое бричку. Яму у моста засыпали. Колонна двинулась дальше. Вскоре прогромыхал ее хвост. Уехал и командир дивизии.

День был на исходе. Затянутое непроницаемой целеной небо предвещало дождь.

— Что делать будем? — с тревогой спросил Бабаев. — Нужна кузница.

— Найдем кузницу, — успокоил его Писарев. — Мы с сержантом уже успели, так сказать, одеть обстановку. Часа через два сюда подойдут тылы полка. Тогда нетрудно будет отремонтировать бричку.

— Догоняйте колошну, да побыстрее! — крикнул я Писареву с Бабасвым и пришпорил коня.

— Ничего, не впервой. Справимся, — долетел вдогонку густой бас сержанта.

Проскакав добрый десяток километров, я настиг батарею, доложил Ченчику о случившемся.

— С бричкой оставили Писарева?

— Так точно.

— Правильно. Этот черта из пекла вытациит...

К Петру Писареву, «потомственному казаку», как он сам любил себя называть, комбат питал особую симпатию. В трудный момент боя под Моздоком сержант бутылками с горючей жидкостью поджег два фашистских танка. С той поры за ним утвердилась слава человека решительного и мужественного.

...Спустя два дни корпус разгромил сильный немецкий арьергард в районе Голованевска и подошел к Южному Бугу. Противник оборонялся ожесточенно, особенно в районе Первомайска. С ходу переправиться на противоположный берег конникам не удалось.

Батарея полка заняла огневые позиции на открытом склоне. Не успели «зарыться в землю», попали под перекрестный огонь вражеской артиллерии. Многие орудия были прямой наводкой. Казалось, стрелял весь берег — так плотно он был «утыкан» вражескими пушками и минометами.

Наши действия сковывала и немецкая авиация. Лошади служили прекрасной мишенью, а непролазная грязь мешала быстро их рассредоточить. Группы «юнкеров», разлетевшись над огненными позициями, переходили в пике...

После очередной бомбежки на батарею пришел замполит Алексей Захарьевич Завьялов. На днях он стал майором, и все мы с радостью поздравляли его с новым званием.

Завьялов поинтересовался, прибыла ли отставшая бричка.

— О ней, между прочим, даже комдив знает, — напомнил он.

— Это наш второй эшелон, — пошутил Анатолий Запалаев. — Двигается на нужном удалении, товарищ майор...

Продолжать разговор не пришлось. С наблюдательного пункта поступила команда Чепчика. Батарея открыла огонь.

С трудом вытаскивая ноги из глинистой жижи, Завьялов обошел огневую позицию, осмотрелся. На прощание сказал, что батареи полка расположены слишком скученно и близко к реке.

— Надо изменить боевой порядок, — заключил майор. — Иначе понесем неоправданные потери.

Командир полка, очевидно, согласился с доводами замполита. С наступлением темноты огневые взводы минометных батарей стали перемещаться на один-два километра в тыл.

Время на смену позиций было ограничено до предела. По решению комдива ночью эскадронам 223-го капполка предстояло вести бой за плацдарм на западном берегу реки, и батареям следовало их поддерживать.

Как ни старались Грязнов, Хамов и другие ездовые, передвижение на полые огневые позиции затянулось. Виной всему были дороги: вязкий грунт засасывал колеса, приходилось на руках перекатывать минометы от рубежа к рубежу, подкладывая под колеса хворост.

Бой за плацдарм у села Подгурье разгорелся незадолго до рассвета. Начали его разведчики капполка.

Их было трое из одного эскадрона — старшие сержанты Иван Есин, Григорий Хохлов и младший сержант Иван Коротков. В темноте все трое вышли к реке, спустили на воду маленький самодельный плотик. Наспех

сколоченное шаткое сооружение из тоненьких бревнышек едва вместило дюжих бойцов. Не мешкая, отчалили. Чтобы не маячить, прижались к бревнам. Оружие держали пагогобе.

Все выжидание — противоположному берегу. Там пока спокойно. Противник не ожидает, что кто-то рискнет переправляться в самом широком месте реки. Поэтому осветительные ракеты озаряют небо значительно выше по течению.

Гребут тихо-тихо. Берег все ближе. Видны его очертания, камни.

Иван Есню разглядел за скальной галбой две большие лодки. Вот бы завладеть ими да иероглать к своим!

У самого берега плотик перевернулся. Продрогшие разведчики выбрались из воды и сразу — к лодкам. Дологела немецкая речь: лодки охранял пулеметный расчет. Снять охрану удалось без единого звука. Лодки быстро подтащили к воде.

Есню приказал Короткову занять позицию на берегу и приготовиться к стрельбе из трофейного ручного пулемета. А сам с Хохловым направился к лодкам. Но успели разведчики покрыть и трети расстояния до своего берега, их обнаружили немцы. И тут началось...

Группа гитлеровцев, строча из автоматов, бросилась к воде. Здесь их встретил кинжальным огнем Иван Коротков. Времени хоть и было в обрез, позицию младший сержант выбрал удобную: прополз с пулеметом вверх по берегу, расположился у вросшего в землю камня.

Несколько автоматчиков рухнули у самой кромки воды. Остальные отпрянули.

При тусклом свете вражеских ракет, повисших над рекой, Коротков увидел лодки. Вокруг них от стрельбы вражеских пушек поднимались фоптаны. «Только бы доплыли!»

Не успел оторвать взгляд от реки, снова послышался

треск автоматов. Прямо на позицию пулеметчика надвигалась плотная цепь гитлеровцев. Ракеты не гасли, и Коротков отчетливо различал темные фигуры автоматчиков.

«Подпищу поближе, ударю наверняка. А вдруг не успею! Их много. Пора...» И младший сержант нажал на спуск. Пулемет не подвел. Цепь автоматчиков быстро редела.

Коротков нет-нет да оглядывался назад — ожидал нападения с тыла. «Повили, наверное, немцы, что я тут один-одинешенек. Только живым не дамся!»

Нет, не один был на вражеском берегу младший сержант Иван Коротков. Не оставили мы без помощи в трудную минуту боевого товарища, прикрыли его.

Прикрытие было надежным. Генерал Белопищенко приказал нашему полку непрерывно держать под обстрелом противоположный берег. Пушечные батареи подавляли огневые точки противника, а минометные препятствовали атакам гитлеровцев на клочок земли, обороняемый Коротковым. Это требовало от нас, минометчиков, особой точности в стрельбе — малейшая оплошность грозила гибелью смельчаку разведчику.

Огонь батареи вел в темпе. Больше всех доставалось первому и второму расчетам. Место Писарева занял ефрейтор Федор Борщов, грамотный наводчик, заменивший погибшего Хурцию на посту комсорга. Борщов уверенно дублировал мои команды, следил, чтобы заряжающий проверял все основные и дополнительные заряды: в мокрую погоду порох мог легко отсыреть.

Есину и Хохлову чудом удалось причалить. Лодки не сразу заполнили эскадронцы — мешала артиллерия противника. Бойцы пробирались к ним сквозь огонь по одному, по двое.

Плыть обратно было тоже не легко. Вода бурлила и ненилась от бесчисленных осколков раскаленного метал-

ла. По-прежнему светили вражеские ракеты. На середине реки осколком снаряда продырявило лодку Есина.

— Быстро черпать воду! — приказал старший сержант. — А сам, не выпуская автомата, продолжал наблюдать за берегом.

Положение Короткова было по-прежнему тяжелым. Более часа длилось его единоборство с врагом. Несколько раз, благо позволяла темнота, менял он позицию. Во время одной из вражеских атак его ранило в голову. Сгоряча подумал: «Пустяк, царапина». Достал из кармана индивидуальный пакет, как мог обмотал бинтом голову. А рана не давала покоя, кровоточила. К тому же кончались патроны. Но он знал: товарищи спешат на помощь, и это придавало силы.

Гитлеровцы все же попытались подобраться к нему с тыла. Подкрались, с гиканьем бросились вперед. Коротков пивирнул в них из-за камня последнюю гранату...

Утром на огневую вновь пришел майор Завьялов. Он-то и рассказал подробности боя за плацдарм. Коротков выстоял. Огнем пулемета помог высадиться лодочному десанту. Затем начали переправу эскадроны. Есин с Хохловым присоединились к младшему сержанту, и все трое уже не покидали занятую позицию.

— Герои! — выразил общее мнение о разведчиках Федор Борцов.

Завьялов призвал батарейцев равняться на тех, кто совершил подвиг, и закончил беседу словами:

— Родина высоко оценит их мужество.

Замполит не ошибся. Несколько позднее младший сержант Иван Никонович Коротков был удостоен звания Героя Советского Союза, а старшие сержанты Иван Дмитриевич Есин и Григорий Павлович Хохлов награждены орденом Красного Знамени.

...Несмотря на распутицу, плацдарм на западном берегу Южного Буга расширялся с каждым часом. Вслед за

223-м кавполком реку форсировал 214-й. Пришло время, и генерал Белошниченко приказал двигаться к переправе артиллерии и минометам.

Комбат с НП передал мне по телефону:

— Вытягивайте батарею на дорогу к переправе. — И, немного помолчав, спросил: — Ну как там Писарев? Не появился?

— Пока нет. Ждем. Не провалилась же их с Бабаевым бричка сквозь землю.

Бои за плапдарм ускорили освобождение Первомайска. Судьба города, который атаковали части 5-й гвардейской армии, была предрешена. Гарнизон противника не выдержал натиска советских войск.

От Первомайска наш корпус ускоренным маршем двинулся к Днестру. В пути останавливались лишь на два-три часа, чтобы поест, покормить лошадей. А там снова вперед, по слякотной, исковерканной рытвинами дороге.

...В то время (это я узнал потом) наш «второй эшелон» был еще далеко от Южного Буга: дважды подводила Писарева и Бабаева ось колеса. Не одну бессонную ночь провозились они, прежде чем отремонтировали бричку. А путь казался им все длинней и длинней. Растянулись на том пути бесконечные колонны полков, дивизий, корпусов. Были у них свои маршруты, свои задачи. А Петр Писарев правильно вел свой «второй эшелон». Полагался он лишь на собственную смекалку да острый глаз, способный среди сотен надписей на стенах домов разглядеть одну, нужную — «Хозяйство Литвинова».

В конце марта казачий корпус форсировал Днестр. Миновав аккуратный молдавский городок Сороки, мы круто повернули на юг, на Оргеев. Гитлеровцы прочно удерживали там оборону.

— Ну и темп, — поделился со мной Ченчик. — Где тут Писареву нас догнать!

Мы долго ехали рядом. Прикидывали: когда он нагонит батарею и вообще возможно ли это.

В один из первых дней апреля колонна приближалась к Оргееву. Позади остались населенные пункты Казанешты, Вадулка, Банешты, где противнику не удалось нас задержать. Внезапно крупными хлопьями повалил снег. Сугробы росли на глазах. Справа затрещал пулемет. Один, второй. Полк вступал в бой...

Огневую позицию я выбрал на открытом месте, недалеко от дороги. Метрах в пятидесяти начинался овраг. Установи мы в нем минометы — лучшего и желать нельзя. Но добраться до оврага было невозможно из-за грязи.

Стреляли весь день. Подали несколько целей. Эскадроны же не продвинулись ни на шаг: у противника были заблаговременно подготовлены и разветвленная сеть траншей, и система огня.

К вечеру стало подмораживать, а снегопад не прекращался. Все только дышу давались: апрель, юг и такие сугробы!

Помкомзавода Спринцип обратил мое внимание, что па взгорье, у лесной опушки, передвигаются какие-то люди.

Я высказал предположение, что это, возможно, немцы, поскольку эскадроны залегли ближе.

— Ох и худо же нам будет, — покачал головой Спринцип. — Оттуда наша огневая как на ладони.

Единственный выход я видел в том, чтобы ночью обогреть огневую позицию в овраге. Правда, сделать это было невероятно трудно. Раньше помехой служила грязь. Сейчас — снежные завалы. Придется всю ночь расчищать снег, чтобы подтащить минометы к оврагу. «А стоит ли? Люди выбьются из сил. И не исключено, что сработают впустую: завтра же могут приказать сниматься с этого места».

Прикинув все это, я решил позицию не менять.

На другой день с места мы не сдвинулись. Как только растаял утренний туман, с лесной опушки по нашей огневой ударила вражеская самоходка.

Один из снарядов угодил в бруствер моего неглубокого окопчика. Осколок продырявил шапку. Я потерял сознание. Когда очнулся, увидел склонившегося надо мной Спринцана. Он что-то говорил, а я ни слова не мог слышать.

Полностью слух вернулся недели через две. Контузая была, видимо, минимальной расплатой за мои неверные действия.

...В изнурительные бои у Орсева втянулась подошедшая пехота. Казачий корпус снова двинулся на запад. Дороги начали подсыхать, суточные переходы стали большими.

Солнечным апрельским утром наш полк подошел к реке Прут. Сколько было радости — не передать! От головы в хвост колонны поскакали Завьялов и Тишаев, оповещая на ходу:

— Вышли к государственной границе СССР! Вперед — Румыния!

Волнами покатилося дружное «ура».

Первые километры по румынской земле прошли рысью. Гитлеровцы в панике бежали. Нагнали мы их только в предгорьях Карпат. Но сбить врага с занимаемых рубежей сразу не удалось. Наступил период длительных боев в обороне.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ УДАР

Магические слова «Хозяйство Литвинова», выведенные где мелом, а где углем, привели наш «второй эшелон» к реке Прут. А тут новая заминка: путь бричке преградили два сержанта в зеленых форменных фуражках пограничников.

— Документы! — потребовал тот, что был с красной повязкой на рукаве.

Писарев достал из бокового кармана красноармейскую книжку.

— Что военныйслужащий, мы и так видим. Куда держишь путь?

Пришлось рассказать всю историю. Не поверили.

— Под Уманью, говоришь, отстали? — нахмурил брови один из пограничников. — Так то в марте было. А сейчас — конец мая. Может, дезертировали, голубчики?

— Брось шутить. Не в тыл — на фронт едем, — разошлись Писарев. — Веди меня к офицеру.

Капитан рассеянно выслушал объяснения.

— Старая песня, — перебил он Писарева. — Куда? Только правду!

— Наши, с батареей. Почему не верите, товарищ капитан?

— Граница есть граница. Пропуск нужен.

— Пропуск, говорите? А это разве не пропуск?! — большими першавыми пальцами Писарев бережно вынул из нагрудного кармана партийный билет.

...В середине июня в нашем полку произошли перемены. Хозяйство Литвинова стало хозяйством Кодака. При первом же знакомстве новый командир полка Мефодий Константинович Кодак произвел на всех впечатление человека крутого, не терпящего малейших послаблений по службе. Узнав про отставшую бричку, он не стал допытываться о подробностях, а велел комбату написать объяснение.

Но не успел Ченчик изложить всю историю на бумаге. Его срочно отозвали из полка: резкая потеря зрения не позволяла дальше находиться на строевой должности. Работу ему подыскивали в тылах дивизии.

Жаль было расставаться с Иваном Ченчиком. Фронтные годы крепко сдружили нас, однако с врачами не поспоришь.

— Одно точит душу, — сказал он мне на прощание. — Неужели ошибся я в Писареве?..

Командиром батареи назначили меня. А Семю Локтионов занял мое место — возглавлял теперь огневые взводы при стрельбе.

И надо же тому быть, что первой «рогаткой» на поприще комбата оказалась для меня пропавшая злополучная бричка. Что писать в объяснительной записке? Как-никак прошло более трех месяцев. Да и чем объяснить то, что случилось с Писаревым и Бабаевым?

Казачий корпус был к тому времени выведен из боя. Дивизии расположились в тылу фронта, в живописных лесах. Начался период занятий, учений, боевых стрельб.

Однажды во время боевых стрельб Локтионов сообщил мне на НН, что на огневой позиции кончатся боеприпасы. «Возьмем у соседей пару десятков мин, — подумал я, — а там подвезут...»

Соседняя батарея выручить нас не смогла — сама не имела запаса. Докладывать Кодаку я не решился — очень не хотелось выглядеть непредусмотрительным в глазах

нового командира полка. Пока мучительно раздумывал, как поступить, телефонист снова протянул мне трубку:

— Товарищ комбат, прибыли сержант Писарев и рядовой Бабаев, — услышал я возмущенный голос Локтинова. — Бричка в порядке. Боеприпасы доставлены в полной сохранности. Все восемь ящиков.

Нет, не ошибся в Писареве наш бывший комбат Ченчик. Не ошибся!

О «втором эшелоне» вскоре забыли. Жизнь наша была заполнена более важными событиями: корпус усиленно готовился к Яско-Кишиневской операции.

При нашем полку была создана своеобразная школа — собрания на месячные сборы сержанты-артиллеристы из дивизии. Тренировки с огневиками проводили лучшие командиры взводов — Василий Прокураев, Семен Локтинов, Владимир Кубанцев. С разведчиками занимались Николай Тишасев и Валентин Соколов, которого недавно назначили командиром штабной батареи. Всея партийно-политической работой с сержантами руководил майор Завьялов.

На сборах часто бывал командующий артиллерией дивизии полковник Василий Константинович Смертин. Прекрасный рассказчик и весельчак, он умел остроумной шуткой привлечь внимание бойцов. Вместе с ним дважды приезжал гвардии генерал-майор артиллерии Михаил Яковлевич Лев — наше «корпусное начальство». Он лично организовывал летучки, чтобы определить степень выучки сержантов.

В расчетах разворнулось движение за полную взаимозаменяемость. Инициаторами этого доброго дела стали наводчики Федор Борщев и Николай Сазонов. Оба подготовили себе достойную замену в лице заряжающих Ивана Кобелева и Владимира Какуаридзе. Почин Борщова и Сазонова подхватили во всех батареях.

Не отставали и ездовые. Грязнов и Хамов взялись

раньше срока «ввести в строй» новую партию лошадей. Они занимались и выездкой, и кузнечным делом, и ремонтом амуниции. Их примеру последовали многие ездовые.

Работа кипела во всех явениях полков и дивизий.

...В ночь на двадцатое августа корпус подошел к месту прорыва. Сюда прибыли и части 23-го таякового корпуса. Вместе мы составляли конно-механизированную группу, которой предстояло взаимодействовать с 7-й гвардейской армией. По замыслу командующего 2-м Украинским фронтом, о котором в те дни знали немногие, эта армия и наша группа с началом операции нанесли вспомогательный удар на юг, вдоль обмелевшей за лето реки Серет.

Теплое августовское утро огласилось грохотом тысяч орудий, сотрясавших землю и воздух. Плотность артиллерии, сосредоточенной для прорыва вражеской обороны, была невиданно высокой.

Перейдя в пастухение, 7-я гвардейская армия (действовала она на правом крыле фронта) быстро продвигалась к городу Тыргул-Фрумос. А наша конно-механизированная группа, развивая успех в глубину, — к городу Роман.

Разбитые части противника отходили. Дорога, по которой мы вели преследование, то приближалась вплотную к Серету, то, отдаляясь от реки, поднималась в горы, сплошь покрытые деревьями.

— Устрой там немцы засаду — попробуй их накрыть! — повернулся ко мне Дьяченко. Задрав голову, мы вместе смотрели на видневшиеся высоко над дорогой кроны деревьев.

— Накроем, Василий Романович. Нам не привыкать... — спокойно сказал Завьялов.

Наши батареи (пушечная и минометная) двинулись с 214-м кавполком в голове дивизии. Замполит сжал рядом с комбатом два, а я нагнал их, чтобы уточнить обстоя-

новку. Не узнав ничего нового, придержал копя, стал дожидаться подхода батареи.

Время перевалило за полдень. Снова начался спуск к реке. Справа от дороги желтело залитое солнцем кукурузное поле. За ним отсечивали белизной несколько домишек. Оттуда ударил пулемет...

«Не иначе как застон противника, — подумал я. — Дьяченко наверняка развернет одно-два орудия и заставит пулемет замолчать»...

Так и случилось. Дьяченко приказал развернуться первому огневому заводу. Но не успели упряжки съехать с дороги, последовал сигнал «Воздух»: на колонну накинута «юнкерсы».

Первый пушечный взвод замешкался. А пулемет у домиков не умолкал. К нему присоединился еще один.

Завьялов и Дьяченко бросились к огневицам. Увидев замолкшие и комбата, расчеты поспрянули духом. Их уже не могли остановить ни разрывы бомб, ни пули.

Пушки сделали по выстрелу. Один немецкий пулемет захлебнулся. Дьяченко приказал снова зарядить и тут же прокричал «Ложись!», но сам не успел прижаться к земле.

Опоздал сделать это и Завьялов. Обоих ранило осколками небольшой бомбы.

Держа на весу руку, из которой сочилась кровь, замолк светлал, что ранило его очень некстати.

«А когда они, ранения, бывают кстати?!» — хотелось мне сказать ему.

Бомбежка кончилась. Репевых отправили в тыл.

На пути к городу Роман эскадроны разгромили еще четыре вражеских арьергарда. У самого города пришлось мне развернуть батарею. Заставила обстановка.

Танкисты завязали бой на окраине. Следование за ними колонны обходным маневром продвинулись чуть дальше, к центру города. Между нашими танками и эскадронами находилась мощная огневая точка противника.

Гитлеровцы засели в толстостенном кирпичном здании, что возвышалось на перекрестке улиц, вели огонь из пушки и пулеметов. Хотя положение их было безнадежным, уходить они явно не собирались.

Вместе с разведчиками — сержантом Иваном Кнышовым и ефрейтором Петром Афанасьевым — я обосновался недалеко от здания, на крыше полуразрушенного амбара. Нам были видны и пушка и кулеметы, а потому пристрелку завершили быстро. Не хватало одного — надежной связи с огневой позицией. Телефонный кабель, что соединял нас с Локтионовым, нещадно рвали проходившие танки.

— Подтащить бы сюда минометы, — несмело предложил Кнышов, — да и шарахнуть прямой наводкой...

Предложение было заманчивым, хотя и довольно рискованным. Я решил сменить огневые позиции только для двух минометов — первого и второго.

Афанасьев через дворы скрытно провел расчеты. Минометы установили за амбаром. Прямой наводки не получилось. Зато, находясь рядом с разведчиками, Завалев и Писарев могли сами корректировать огонь.

Расчеты стреляли на минимальной дальности. Огневая точка противника была подавлена. На сей раз у первого миномета за наводчика действовал Какуаридзе — при смеле позиции Сазонов сильно ушиб ногу. Вот когда мы на деле увидели, что такое взаимозаменяемость!

Эскадронцы штурмом овладели и этим, и еще несколькими зданиями, подготовленными гитлеровцами к длительной обороне. Вскоре город был полностью очищен от врага. Остатки разбитых немецких частей поспешно отходили к другому крупному узлу обороны — Бакзю.

Конники и танкисты преследовали противника по пятам. Наши колонны шли по широкому шоссе. Был ясный день. В ушах не умолкал цокот копыт и лязг гусениц.

На подступах к Бакэу батарея снова заняла огневую позицию. Стрелять не пришлось. В сопровождении Смертина и Кодака подъехал начальник политотдела нашего корпуса гвардии полковник Привалов. Предупредил: огня не открывать.

Мы недоумевали, в чем дело. Привалов, приветав на стременах, указал на роиду, что была возле самого города. К ней в походном строю приближались всадники. Это в полном составе переходила на нашу сторону румынская дивизия. Немецкие же части, оставив Бакэу, продолжали отступление.

От Никифора Ивановича Привалова мы узнали, что после взятия Ясс основные силы 2-го Украинского фронта ушли далеко вперед, а нам в ближайшие дни предстоит преодолеть горные перевалы, на неприступность которых гитлеровцы возлагали большие надежды.

© DSPL.RU

ПЕРЕВАЛ

Колонна остановилась в узком дефиле. Справа и слева — густо покрытые растительностью отвесные стены гор.

Восточные Карпаты... Пятый день после влода в прорыв под Яссами дивизия движется по извилистой, как спираль, горной дороге. Скоро — перевал. За ним начинается Трансильвания.

— Командир четвертой батареи — в голову колонны! — прокатилось по зеленому коридору.

Пришпорил коня. Поскакал по обочине. А на душе беспокойно: почему вызывают именно меня? Что случилось?

За поворотом дороги увидел группу офицеров. Капитан в щегольски надетой фуражке, разложив на траве планшет, водил карандашом по карте. Остальные оживленно переговаривались.

Чуть в стороне стояли новый командир дивизии генерал-майор Павел Михайлович Крутовских, командующий артиллерией дивизии полковник Василий Константинович Смертия и взаш командир полка.

Соскочил с коня. Кодак представил меня комдиву.

— Слушайте, комбат, — сразу начал Крутовских. — Впереди — Ойтуз, небольшой, но, видимо, сильный укрепленный район у самого перевала. Попытка взять его лобовой атакой успеха не имела. Я послал в обход два кавполка. Думаю, к ночи положение изменится. А сейчас, — генпо-

рал сделал ударение на этом слово, — важно держать противника под непрерывным огнем. Наиболее эффективны в таких условиях, сами понимаете, минометы. Выбейте III. Обстреливайте Ойтуз. Дальнейшие указания получите у полковника Смертина и командира полка. Да, погодите... — Он повернулся к капитану, что склонился над планшетом: — Сколько отсюда до Ойтуза напрямую?

— Два с половиной километра, товарищ генерал!

— Слышали, комбат? Минометы ваши и отсюда достанут. С собой непременно возьмите саппиструктора. В горах небезопасно...

После недолгих сборов вместе с разведчиками и телефонистами тронулись в путь.

Был чудесный сентябрьский день. Озаренные лучами солнца, хорошо просматривались мохнатые шапки горных вершин и белая лента дороги. Где-то подалеко за горой со скалистыми отрогами громыхали разрывы.

Шли цепочкой. Я слышал голоса следовавших за мной сержанта Кнышова и лейтенанта Никулина.

— О чем это вы? — спросил я у Никулина, когда он поравнялся со мной.

— Кнышов жалуется.

— На кого?

— На вас, — улыбнулся белобрысый лейтенант и шутливо пригрозил Кнышову.

Никулин прибыл в батарею месяц назад и был назначен командиром взвода управления. Там к новичку отнеслись с явным предубеждением: «Не обстрелян. Какое будет в бою!» Артиллерийское дело лейтенант знал неплохо. Был исполнитель. Не ладилось у него только с верховой ездой. Здоровенный белый конь, на которого впервые вагромоздился Никулин, почувствовал неопытного ездока и быстро сбросил его на землю. Оправившись от неожиданности, лейтенант осторожно осматривал ушибленные места и уверенно произнес: «Могло быть и похуже».

Все, кто наблюдал эту сцену, прыснули со смеху. Так и утвердилась за Инкулиным прозвище «Могло быть и похуже».

Ничего ему предстояло первое серьезное боевое испытание. И я радовался хорошему настроению лейтенанта.

— Чем же вы недовольны, Кнышов? — повернулся и к командиру отделения разведки.

— От поверьте, товарищ комбат, горя не оберемся, — выпалил сержант. — К чему нам баба? — Кнышов мотнул чубатой головой назад. Там, дабы не отстать от замыкавшего нашу цепочку телефониста с катушками, почти безжала санинструктор штабной батареи Наташа Радченко. — Был бы с нами Геворков — другое дело. А то кто же ее на гору тащить будет? Та она, малая, и перевязку толком не сладит.

Я оглянулся. Издали Наташу Радченко можно было принять за маленькую девочку. Толстая брезентовая сумка с красным крестом, казалось, пригнбалась к земле всю ее хрупкую фигуру.

— А вы, сержант, знаете эту деушку?

— Та шо там знать. — махнул рукой Кнышов. — Фронт — дело серьезное. Не место тут жепскому полу!

Прогрелись автоматные очереди. На дороге вырос офицер-сапер.

— Куда, старшой? Дальше ходу нет — минны!

У подножия скалистой горы залегли спешенные эскадроны. За крутым поворотом дороги снова раздался треск автоматов. В ответ редко задробил крупнокалиберный пулемет.

— На тапка палит, бисова душа, — заключил Кнышов.

Было ясно: где-то совсем рядом проходит передний край.

Свернув с дороги, мы по змеевой тропке стали подыматься в гору. Инкулин и Кнышов с двумя разведчиками ушли вперед. Я подождал телефонистов.

— Сколько катушек?

— Четыре размотали, — ответил старший из них, вытирая рукой струившийся с лица пот.

— Многовато...

Со мною поравнялась Наташа Радченко. Вблизи она не казалась такой маленькой, как виделась издали. Открытое лицо с крупным подбородком. Добрые голубые глаза. Копна пшеничных волос под пилоткой...

Девушка, видно, почувствовала, что я пристально гляжу на нее, и сухо спросила, далеко ли нам еще идти. Я ответил, что не очень. И действительно, мы довольно быстро достигли террасы. Ровную, как стол, травянистую площадку окаймляли пышные кроны деревьев.

— Красота-то какая! — крикнула Наташа и, не выдержав, побежала по зеленому ковру. Остановилась она перед грудой бурых, вросших в землю камней. За ними зиял крутой обрыв, а на дне его проходила дорога.

И вдруг в небесной голубизне надрывно загудели моторы.

— Воздух! — раздался откуда-то сверху голос Квышова.

Несколько «юнкеров» один за другим с истошным воем пошли в нике.

— Ложись! — крикнул я телефонистам, которые продолжали возиться с катушками.

Все прижались к земле.

Разрывы бомб громовым эхом отдавались в горах. Рев моторов заглушал доносившиеся снизу крики людей.

Я взглянул на Наташу. Притаившись за каменной глыбой, она с ужасом смотрела впиз.

На дороге, зажатой каменными стенами гор, творилось что-то страшное. Налет «юнкеров» застиг врасплох колонну бричек с боеприпасами, они стали взрывать от детонации.

К головной бричке подбежала девушка-санинструктор.

Я видел, как она склонилась над раненым. Видел, как отшвырнуло ее далеко в сторону варьяной волной. Видел, как она упала на булыжники, как растеклась под головой темная лужица крови...

— Глядите, товарищ комбат. — Старший телефонист показывал на новую группу вражеских самолетов, вынырнувших из-за облака. Одна из бомб разорвалась вверху, над нами. Осколком тяжело ранило лейтенанта Никулина.

Кнышов с трудом дотащил своего командира вниз, к террасе. За дело взялась Наташа.

— Ну, как самочувствие? — ласково спросила она, заканчивая перевязку.

Никулин ничего не ответил: нестерпимая боль жгла плечо.

— А все-таки, лейтенант, постарайтесь ответить. — Девушка говорила спокойно, видно, хотела своим тоном подбодрить раненого.

Никулин поморщился:

— Могло быть и похуже...

— Ну и шутник же вы! — улыбнулась Наташа.

— Какие у вас чудесные зубы. Как сахар... — Никулин хотел сказать еще что-то, да не смог. Лицо перекосилось от боли. Он потерял сознание.

— Нужно срочно эвакуировать раненого, — заключила санитарный инструктор. — Надеюсь, мне помогут...

После налетов вражеской авиации на дороге появились санитарные машины. Раненых увозили в тыл. С ними отправлен был и лейтенант Никулин.

Мы достигли вершины горы. Под ветвистыми деревьями облюбовали место для наблюдательного пункта. Осмотрелись. Внизу под нами два немецких танка и самоходка стояли борт о борт у въезда в Ойтуз. В населенном пункте не видно было ни души. Дорогу к перевалу преграждали ряды железных ежей.

Я посмотрел на часы. До времени открытия огня, назначенного командиром полка, оставалось пять минут.

Пока Кышов устанавливал стереотрубу, телефонисты подсоединили аппарат. На другом конце кабеля у телефона был полковник Смертин.

— Пристреливайтесь своей батареей. Потом подключим еще две, — приказал командующий артиллерией дивизии.

После первых разрывов наших мии Ойгуз зашевелился. В разных местах вспыхнул ответный огонь из пулеметов и минометов. Обнаружили себя группы пехоты в траншеях. Иже перевала, у развилок дорог, юркнула в кустарник легковая машина...

Прильнув к окулярам стереотрубы, Кышов с детской непосредственностью выкрикивая:

— Смотрите, смотрите!.. От она цель — дзот! — Эге-е... Вправо двадцать, бисова душа. ишо один...

Батарея не умолкала. Беглый огонь чередовался с методическим. А противник становился все активнее.

Невдалеке от нас разорвался снаряд. Потом еще, еще... Скалистая гора окуталась пороховым дымом. Кругом все громыхало. Казалось, Карпаты стонут от огня и металла.

В разгар боя нарушилась связь с огневой позицией. Посланный на линию телефонист довольно быстро нашел повреждение: осколки вражеского снаряда рассекли кабель как раз там, где час назад Наташа перевязывала лейтенанта Никулина. Место это оказалось роковым. Восстановив связь, телефонист передал, что возвратиться не может — истекает кровью...

— Разрешите оказать помощь? — Наташа испытующе посмотрела на меня и, пригнувшись, побежала вдоль линии связи.

Очередную атаку наших эскадронов гитлеровцам удалось отбить: вражеские дзоты у перевала ценко держали под обстрелом дорогу.

С огневой позиции сообщили: только что была бомбжка. Есть жертвы. Все батареи развернулись. Ведут огонь.

Я наблюдал, как разведчики, не теряя времени, орудовали лопатами. Ни на глазах уходил в землю. «А генерал-то оказался провидцем. Жесток, жесток бой в горах».

— «Ястребки»! Глядите! — Книшов уступил мне место у стереотрубы.

Над перевалом кружилась шестерка наших истребителей.

Огневые точки противника стали умолкать.

— Теперь будет порядок!

— Будет, комбат, будет! — произнес у меня за спиной незнакомый голос.

Оглянулся. Узнал капитана из штаба дивизии. Того самого, что бойко докладывал генералу расстояние до Ойтуза. За деревьями разглядел десяток автоматчиков с подвешенными у ремней ручными гранатами.

— Ребята что надо, — кивнул в их сторону капитан.

В двух словах, постукивая стеком по твердым голенищам фасонных сапог, он объяснил, что имеет задачу прочесать лес у дороги. Бродят здесь одинокие немцы. Чудом спаслись после разгрома под Яссами. Норовят пробиться к своим.

— Ободрались. Жрать нечего. Совсем одичали. Нанедают на наши тылы.

Капитан пообещал к вечеру наведаться и вместе с автоматчиками скрылся в лесу.

Вернулась Наташа. Доложила, что ранение у телефониста не опасное: осколок разорвал икру правой ноги, кость не задета. Раненый отправлен в медико-санитарный эскадрон.

Наши истребители поработали на славу. До самого вечера они буквально висели над Ойтузом. Немецкие самолеты больше не появлялись.

Когда стемнело, слева от перевала вспыхнули три красные ракеты. Зачастили автоматные очереди, стали взрываться гранаты. Это начали атаку посланные в обход кавалерийские полки.

Маневр, задуманный командиром дивизии, удался. Под угрозой окружения противник был вынужден оставить Ойгуз. На дорогу через перевал вышли эскадроны.

Мы готовились сменить НП. Появился знакомый капитан. Его автоматчики конвоировали двух пленных в ломотях. Судя по их показаниям, противник рассчитывал задержать у Ойгузского перевала советские войска по крайней мере на две-три недели. Не вышло!

...Дивизия ускоренным маршем двигалась по живописным дорогам Трансильвании. Далеко позади остались Ойгузский перевал, десятки освобожденных румынских городов.

В те дни, когда мы подошли к самой границе с Венгрией, я получил письмо от лейтенанта Никулина. «Могло быть и похуже» находился на излечении в одном из госпиталей Тбилиси. О себе он писал скупо. Просил сообщить, кто отличился в памятном для него бою у перевала. Я написал, что за смелость и находчивость в том бою медалью «За боевые заслуги» награждена саанинструктор Наташа Радченко.

ТРЕВОЖНЫЕ СУТКИ

В прохладном вечернем воздухе снова завыли снаряды.

— Начина-а-ется... — недовольно протянул телефонист Ляпин и, отшвырнув в сторону лопату, опустился на дно окопа. — Ровно восемнадцать ноль-ноль, — показал он на черный светящийся циферблат трофейных часов. — Пяток минут придется переждать...

Снаряды рвались близко. Некоторые — рядом с бруствером окопа.

— Ничего, ничего, — приговаривал Ляпин, прозванивая линию. — Связь с огневой есть, товарищ комбат...

В маленьком окопе нас было двое. Разведчики паходились в другом. Соединить окопы еще не успели.

Прошло пять, десять минут, а огневой палет противника не прекращался.

— Ока, Ока! Я — Днепр! Я — Днепр! — монотонно повторяет Ляпин. — Как он там? Дает прикурить?

Я машинально слушаю слова телефониста, а мысли снова и снова возвращаются к событиям последней недели... Части Донского и Кубанского казачьих корпусов с боем порвались в Дебрецен* — третий по численности

* Приказом Верховного Главнокомандующего панему 1684-му артиллерийско-минометному полку было присвоено наименование Дебреценский.

населения город Венгрии. Утром 20 октября 1944 года он был полностью очищен от врага. Наш артминиволк проследовал через город по совершенно пустым улицам. Только на самой окраине увидели мы большую группу людей. Когда приблизились, от нее отделился генерал в брюках навыпуск. Я сразу узнал командира нашего корпуса Сергея Ильича Горшкова. «Хорошо действуют артиллеристы», — сказал он Кодаку. Эскадроны нашей кавдивизии с марша завязали бой на окраине Ньередьхаазы. Батареи полка начали методично обстреливать этот важный узел в обороне противника. С каждым днем бой за город принимал все более ожесточенный характер. Сегодня уже 26 октября. Гитлеровцы часто проваивают огневые налеты, контратакуют, пытаются выбить эскадроны из Ньередьхаазы...

— Вас старший на батарее просит, — протянул мне телефонную трубку Ляпин.

— Танки, товарищ комбат. — услышал я срывающийся голос Локтионова. — На огневую идут танки... Вижу слева шесть машин... Дальность примерно... восемьсот метров. Как быть?

Откуда взялись танки? Час назад, когда я направлялся сюда, на новый наблюдательный пункт, я видел по пути два спешенных эскадрона и противотанковые орудия, обеспечивающие фланг. Неужели пропустили?

— Как быть? — повторил Локтионов.

Выход один — прикрыть минометы огнем крупнокалиберных пулеметов ДШК, подготовить к действию гранатометчиков, немедленно доложить в штаб полка.

Передать все это Локтионову я не успел. Осколки от последней, завершающей серии вражеских снарядов разрушили нашу связь.

Сгущались сумерки. Со стороны Ньередьхаазы доносились беспорядочная стрельба, крики людей. В центре города клубился дым, полыхали багряно-красные языки...

Позади НП, в километре от нас, при спете ракет были отчетливо видны силуэты танков. Они перемещались все ближе к лощине, туда, где пахнулись огненные позиции минометов. Слева от НП слышались частые хлопки гранат, автоматные очереди.

«Ну и обстановочка! — переговаривались разведчики, проворно орудуя лопатами и ловко углубляя окоп. — Сам черт не разберет, что к чему!»

Я не приостановил их работу, хотя про себя решил, что торчать здесь бессмысленно. «Что предпринять? — сверлила мысль. — Как связаться с огневой?»

Вернулся Ляпин. Вместе с ним, с трудом переводя дыхание, ко мне подошел посыльный от начальника штаба полка.

— На линии встретил, — объяснял Ляпин. — Бежал к нам, на НП. Велено сматывать удочки и двигаться к виноградникам... — Он показал рукой в сторону от окопов. Днем в том районе хорошо просматривался склон, утыканный подпорками для кустиков винограда.

Посыльный подтвердил слова телефониста. Вызвался проводить нас.

Наша редная цепочка пересекла поле, бегом преодолела простреливаемый противником участок дороги: подгонял немолкавший гул канонады.

Шальная пуля задела ладонь правой руки. Я остановился, попытался порехватить рану носовым платком. Ничего не получилось. Меня чуть не сбили мчавшиеся на Ньиредьхазы оружейные упряжки.

Свет очередной ракеты выхватил из темноты пушки, уступом располагавшиеся вдоль дороги. Мы насчитали семь орудий. У артиллеристов шел поединок с атакующими немецкими танками.

— Наши! Наши! — обрадовался шагавший рядом со мной Ляпин. — Первая и вторая батареи полка...

Минометы оказались на обратном скате небольшой вы-

сотки, в двух километрах от дороги. К ним привела накатанная по винограднику колея.

— Ведем неподвижно-заградительный огонь, — как ни в чем не бывало доложил Локтионов хриплым, прокуреным голосом. Только после моих расспросов признался: — Ясное дело, перетрухнул малость... Пульки выручили. Начальник штаба сориентировался правильно... А вообще, — Семен Лукич подошел вплотную и шепотом добавил, — дело дрянь... Три дня назад гитлеровцы прорвали фронт. Их восточная и западная группировки соединились... Жмут, паразиты... У нас тут две конно-механизированные группы. Наша, Горшкова, и Плиева. Коммуникации у обеих перерезаны... Так-то!..

— Откуда это известно?

Локтионов кивнул на пригорок, где темнели силуэты грузовых машин и автобусов.

— Штаб дивизии, — пояснил он. — Оттуда приходил офицер связи, рассказывал... Ждут командира корпуса. Гопорят, генерал Горшков где-то в районе Ньпредьхазы.

Старшему лейтенанту Локтионову нельзя было не верить. Он не бросал слов на ветер. Да и то, что штаб дивизии оказался рядом с огневой позицией батареи, говорило о многом. Такое бывало не часто...

Ночной бой оглушал громом и скрежетом металла. Над Ньпредьхазой адело небо...

Я сидел на ящике из-под мины, а санинструктор Геворков не спеша делал мне перевязку. Неудалеке окапывался расчет сержанта Примака. Слышались голоса бойцов.

— Какой он, товарищ сержант?

— Кто?

— Командир корпуса... Старого командира, генерала Селиванова, я знал. А как он, новый-то, в бою?

По голосу я определил рядового Ивана Гейко, расторопного малого, острого на язык.

— Боевой! Боевой у нас комкор! А то як же?! — отозвался Примак. — Під Одессой отличился. Був ранен. Не вылежав. Получив к нам, в корпус, назначение, хоч и на костылях, а прибыв...

Примак не преувеличивает. Генерал Горшков и в самом деле прибыл в корпус на костылях. Точнее, не прибыл, а вернулся. В боях на Кавказе Сергей Ильич командовал у нас же 11-й гвардейской дивизией. За личную храбрость и умелое руководство войсками был повышен в должности. Стал заместителем командира Кубанского казачьего кавкорпуса. Потом были снова бои, глубокие рейды. Была Одесса... Ночью генерал шел в боевых порядках эскадронов. Ударила автоматная очередь... Хватился за левую руку: сочится кровь. Подоспели санитары сделали перевязку. Двинулся дальше. Снова очередь из автомата... Раздроблена ступня левой ноги... Лечили в полевых условиях. А в это время приказ: назначают командиром нашего корпуса. Как был на костылях, сел в машину и — к командующему фронтом: надо представиться! Маршал И. С. Конев полушепотом намекнул, что, мол, на костылях командовать корпусом не годится. Следует полежать, подлечиться. Горшков возразил: «Раны у солдата в бою заживают скорее». Коневу понравилась настойчивость нового комкора. Приказал ему поехать на несколько дней в Бельцы. «Я пришлю врачей. Выиграть ноги поставят». Горшков уехал в Бельцы. Врачи не замедлили явиться. Подлечили. И все же с костылями расстался не скоро...

Хотел я вмешаться в разговор, поведать, что знал о комкоре, но Локтионов подал команду открыть огонь. Расчет бросился к миномету.

...Пушечная дуэль шла с нарастающей силой. Редкие паузы между выстрелами заполняли автоматные очереди. Минометы вели методический огонь: из штаба полка поступил приказ беречь боеприпасы.

В разгар стрельбы прямо на огневую вышарили из виноградника два «виллиса». В первом рядом с водителем, ухватившись за ветровое стекло, сидел командир корпуса. Лунный диск скупо освещал его осунувшееся, припорошенное пылью лицо.

Машины остановились. Перед Горниковым — я и не уловил, как все получилось, — очутился здоровяк полковник. Это был заместитель командира дивизии Петренко.

Горшков выслушал доклад, осторожно спустил ноги на землю, оттолкнувшись руками от сиденья, встал. На нем все еще были брюки навывпуск: из-за ранения не мог пока носить сапоги.

— Где командир? — поинтересовался генерал.

— Убыл в двести сорок четвертый, к Данилевичу... Восточная окраина Пыредьхазы... — Петренко достал планшетку с картой.

— Не нужно. Федор Никонович, — остановил Горшков. — Мы изучили этот участок на местности. Хорошо изучили. — Он обвел взглядом сопровождающих офицеров: — Боюсь, командив туда не поспет. Давно уехал?

— Минут двадцать...

— Нет... Не поспет. Вероятно, там уже немцы...

— Данилевичу придется не сладко, — проронил Петренко. — У него в полку большие потери...

С визгом рикошетировал снаряд. Все замолчали. Петренко выразительно пожал плечами:

— Почему так случилось, товарищ гвардии генерал-лейтенант? Наступали, вперед и вперед... А тут — на тебе...

— Все логично, Федор Никонович. Гитлеровцы поняли: стоит нам продвигаться к Чопу, им не избежать окружения. Это раз! Успешные же действия подвижных соединений фронта, несомненно, облегчат решение главной задачи — взятие Будапешта. Это два! Отсюда и отчаяние, и ярость противника. — Горшков показал на пылав-

ний небосвод. — Бойтесь потерять слишком много... Если пока не всю Венгрию, то ее восточную половину...

— Выходит, надо было быстрее двигаться к Чопу? Почему же мешкали? — не сдавался Петренко.

— Это другой вопрос. На досуге как-нибудь разберем. Ответим на все «почему». А теперь слушайте. — Горшков преобразился. Легкую улыбку словно стерли с его лица.

Все знали: с этого момента безраздельно властвует воля командира. Его решение — закон для каждого.

— По данным разведки, в районе Ньиредьхазы действуют не менее одного танкового и двух армейских корпусов противника. Силы, как видите, значительные. Отвлекая их на себя, мы, естественно, помогаем нанести удар по Будапешту левому крылу фронта. Судите сами, насколько важно нам гибко маневрировать, чтобы сковать противника. Пользуясь темпотой, надо перегруппировать части. Полки держите в кулаке. Огневые позиции артиллерии оттяните к лесной полосе. Изматывайте противника контратаками и огневыми налетами. Хорошо прикрывайте фланги. Данилевича надо усилить хотя бы двумя эскадронами... Ясно? — Генерал многозначительно посмотрел на Петренко.

Перегруппировка длилась всю ночь. Одни эскадроны и батареи сдерживали натиск противника. Другие занимали более выгодные рубежи и позиции, чтобы продолжать бой.

К полудню обстановка резко усложнилась. Немецким танкам и бронетранспортерам все же удалось обойти с флангов боевые порядки дивизий, вклиниться в расположение тылов.

Батарея к тому времени находилась на опушке рощи. И справа и слева от нее шел бой.

— Шо ж воно получается, товариш сержант? — допытывался Иван Гейко, прикреплявший дополнительные

заряды на минах. — Не мы его, а он нас поровит в кольцо зажать...

— Мало ли что поровит... А мы не дадим. Командир корпуса, слышал, что наказывал? Изматывать надобно фашистов. Вот и готовь мины поживее. Будем вести беглый огонь... — Примак повернулся к наводчику, давая понять Гейко, что разговор окончен.

Рошу рассекала шоссе́нная дорога. По ней туда и обратно двигались войска: туда — на передовую, обратно — в тыл. Хотя тыла, как такового, не было. Просто со стороны Пырьедьхазы гитлеровцы проявляли большую активность, а с противоположной, восточной, стороны — меньшую.

Главным «диспетчером» на дороге был полковник Петренко. Его перетянутая португезьями богатырская фигура мелькала то тут, то там, и немедленно наводился порядок во всем, что следовало туда и обратно.

Во второй половине дня на дороге показались конники в кубанках. Рысили в безукоризненном строю эскадрон за эскадрон.

— Из Кубанского корпуса, — обратил мое внимание Локтионов. — Резерв... Ясное дело. Смотрите, как чинно восседают на лошадках. Ох и дадут фашистам жару! — Семон Лукич потирал ладони, добрые глаза на его скуластом лице оживленно блестя.

Эскадроны кубанцев остановили продвижение пехоты противника. Но его танкам удалось, совершив обходной маневр, перерезать шоссе́нную дорогу у выхода из роши. Нужны были срочные контрмеры.

Петренко собрал командиров батарей, прикрывавших рошу.

— Никакой панпки! — предупредил он. — Минометы оттянуть на запасные позиции. Огонь вести по пехоте. Пушкам — ни с места! Снарядов не жалеть!.. Подвоз обеснечу... Повятно?

Только собрались разойтись по местам, услышали чей-то возглас:

— Комкор едет!

Оставляя за собой завесу пыли, к нам быстро приближался «виллис». Невольно мелькнуло: «Не очень хороши, наверное, дела, ежели часто видишь на передовой большое начальство».

Небольшого роста, необыкновенно подвижный, генерал Горшков быстро здоровался с каждым, шутил. На его приятном интеллигентном лице не было и тени волнения.

— В районе Сольнока, Федор Никоневич, последствия контрудара ликвидированы, — бодро говорил Горшков. — Больше того, войска пятьдесят третьей и седьмой гвардейской армий полностью очистили восточный берег Тиссы и теперь ведут успешные бои за плацдармы на противоположном берегу. В этом — главный итог дня.

— Понимаю, Сергей Ильич*, — ответил Петренко. — Мы им помогли. А сами-то Ньпредьхау сдали. В полку Данилевича и эскадрона сабель сейчас не набрать...

— Война, брат... А на войне важнее прежде всего стратегический успех, — подчеркнул Горшков.

Слева от дороги слетались воедино несколько разрывов, подняв в воздух столбы земли. Все как по команде повернули головы в ту сторону: стреляли немецкие танки.

— Не думаю, чтобы они рискнули вплотную подойти к роще. Будут дожидаться встречных атак. — Горшков показал рукой в ту сторону, где противник не проявлял активности. — Ну, а там части нашего двадцать третьего танкового корпуса. Они не пропустят...

Мы направились к своим батареям. Спокойствие и

* Позднее мне стало известно, что Горшков и Петренко много лет назад вместе начинали службу в кавалерии, этим, видно, и объяснялась удивлявшая нас некоторая фамильярность в отношениях командира корпуса и заместителя командира дивизии.

уверенность комкора передались каждому. Вслед долетели слова, адресованные Петренко: «...в случае крайней опасности выйдем в полосу шестого кавкорпуса, он прочно удерживает оборону... Не теряйте управления...»

С запасной огневой стрелять не довелось. Помешали «юнкеры». Группы немецких самолетов одна за другой пикировали на огневые позиции батарей.

К исходу дня противник возобновил атаки с нескольких направлений. Его танки стали обходить рошу... Батарея получила приказ занять огневую позицию на новом рубеже.

Повзводно двинулись вдоль лесопосадки. Поражало количество войск, плотность их расположения. Линейные подразделения, штабы полков и дивизий, тыловые части — все рядом, вместе...

— Что ни куст — либо пушка, либо брйчка стоит, — удивлялся Локтионов. — Силлица-то какая! Кто ее одолеет?!

В который раз натужно загудели моторы. Снова появились «юнкеры». По полю и бешеном галопе носились раненые кони. Свечой вспыхивали бензовозы. Рвались от детонации снаряды.

На рощи, покинутой нами, долетали выстрелы танковых пушек, автоматные очереди. Противник наседал...

Тщетно пытался Николай Ляпин установить связь со штабом полка. Не смогли сделать это и другие батареи.

На новой огневой позиции парторг Кириченко предложил накоротке собрать коммунистов. Собрали. Приняли решение держать круговую оборону и — ни шагу назад!

Над головой затарахтел мотор. Корпусной По-2 пошел на посадку.

Летчика окружила группа офицеров. Все склонились над картой.

— До шестого кавкорпуса четыре километра, не больше, — уверял летчик. — Местность, сами видите, открытая...

И армада двинулась. Шла напролом. С машины, по умолкая, падали зенитные установки. С тачанок строчили пулеметы. Все, что могло стрелять на ходу, дышало огнем.

Над походными и боевыми порядками полков кружил все тот же По-2. По заданию командира корпуса летчик показывал нам направление движения.

В сумерках мы добрались до траншей 6-го кавкорпуса. Прошли ровно сутки. Опасность миновала. Замысел прага был сорван.

ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ

Густой вязый туман застилал все вокруг. Востроглазый, веснушчатый Петр Афанасьев, лучший разведчик батареи, первичал:

— Говорили, Мишкольд — городище огромный. А где он, этот Мишкольд, где?! — ализся солдат, вращая стереотрубу из стороны в сторону.

— Стыне туман — разберемся, шо к чему, — услышал я спокойный голос Ивана Кнышова.

Командир отделения разведки был уверен: наблюдательный пункт, занятый прямо с марша три часа назад, окажется пригодным для дела. Сколько раз вот так же в предрассветной мгле приходилось выбирать НП, имея в руках только карту, и чуть ли разу не подвел!

— Высота господствующая, — убеждал разведчика Кнышов. — Все как на ладони видно будет...

У наблюдательного пункта разорвался снаряд, потом второй, третий... Комья земли полетели в окоп.

— Батареей фугасит! — прокричал Афанасьев. — За-сечь бы ее, товарищ комбат.

Так началось для нас 19 ноября 1944 года, когда страна впервые отмочала День артиллерии.

Часам к десяти туман поредел. Я наблюдал в стереотрубу. Все отчетливее проступали очертания местности. Длинный овраг. Несколько высоток, сплошь покрытых растительностью. Дорога. Наконец, за рощей — оральжевая чешуя черепичных крыш. Домики прижались к огромной

горе с террасами. Глянул на карту. Стало ясно: где-то там, за горой, начинался Минколец.

Окрик Кнышова «Саади группа людей!» заставил меня оглянуться. К НП. чуть пригнувшись, приближались три человека. В первом я тотчас узнал командующего артиллерией дивизии полковника Смертина. Следом двигался начальник артвооружения майор Лысенко. Замыкающим был незнакомый солдат с рацией за плечамп.

— Ну, как воюешь, комбат? — еще издали задал вопрос полковник.

Я не успел ответить — воздух потрясли четыре разрыва.

— Ишь, пристрелялся, подлюга! — вырвалось у Афанасьева. — Опять батареей садит...

— Крепись, солдат. Шутка сказать: второй по величине город Венгрии уже близко. Без боя его не сдадут. — С этими словами полковник, опершись рукой о бруствер, легко спрыгнул в окоп.

Я коротко доложил обстановку. Батарея поддерживала 220-й кавалерийский полк. Показал овраг, где спешились эскадроны, ручей, за которым они залегли.

Между тем туман окончательно рассеялся, вражеские орудия и минометы непрерывно били по нашим позициям. Все, что мало-мальски напоминало окоп, подвергалось ожесточенному огневому налету. От грохота орудий и минометов стонала земля.

— Что интересного? — неожиданно спросил полковник Кнышова, который наблюдал в бинокль за передним краем противника.

— Кажись, вижу немецкую батарею. Белый дом с высокой черепичной крышей, влево посемьдесят, деревья с кустарником, над ними — дым от выстрелов...

Смертин поднес к глазам бинокль. В этот момент особенно резко выделялись на его лице орлиный нос и полевой подбородок.

— Да, что-то похожее.

Кодаку передали по радио координаты цели и приказали подавить ее силами двух пушечных батарей.

— Товарищ полковник, — продолжал Кнышов, — хоть мне и не положено делать выводы...

— Как так не положено! Кто сказал — не положено?!

Иван Кнышов от растерянности часто заморгал. Потом его толстые обветренные губы растянулись в улыбку:

— По чину не положено.

— Шутки — вещь хорошая. Только время сейчас не терпит. Выкладывай скорее свои выводы. — Полковник хорошо знал Кнышова: еще после Корсунь-Шевченковской операции вручил ему орден Красной Звезды, позже — медаль «За отвагу». — Давай, слушаем...

— У немцев, по-моему, артиллерии здесь не больно много. По звукам выстрелов, но больше трех батарей... Целей же накрывают немного. А почему? Потому что удачно маневрируют огнем...

— Вполне резонно, — согласился полковник. — Я тоже полагаю: гитлеровцы имеют три-четыре батареи и самоходные установки. Зато у них есть отличный наблюдательный пункт. Иначе о маневре огнем не может быть и речи. Вон глядите, — полковник показал в сторону обнаруженной Кнышовым цели, где уже все заволочло сплошной завесой пыли от огня наших батарей. — Оттуда ведь ничего не видно. НИ у них значительно выше. Допустим, на горе, за домами. А? Возьмите-ка эту гору под контроль, старший сержант.

Кнышов принял к окулярам стереотрубы. Полковник вызнал по радио командира артмишполка и поинтересовался результатами стрельбы. Афанасьев вел наблюдение в бинокль. Лысенко, раскрыв планшетку, что-то подсчитывал на бумаге. Я невольно заглянул через его плечо. На бланке, прижатом к целлулоиду планшетки, росли столбики цифр — майор прикидывал наличие боеприпасов по

калибрам. Поймав мой взгляд, он прекратил подсчеты. Складки на его высоком лбу разгладились, лицо просияло. Лысенко осторожно достал из планшетки треугольник письма:

— Получил из дому поздравление с праздником. И сей чертёж в натуральную величину от пятилетней дочурки. — Развернув письмо, он положил на планшет тщательно обведенный контур детской ручонки.

Расчет боспринасов и рядом маленькая детская пятерня с растопыренными пальчиками. В таком сочетании было нечто символичное. Не успел я подумать об этом, как услышал заволнованный голос Кнышова:

— Товарищ старший лейтенант, глядите. — И он уступил мне место у стереотрубы.

В перекрестии прибора хорошо было видно огромное дерево. Оно выделялось на нижней террасе горы, удаленной от нас километра на четыре. У дерева сповали люди, время от времени поблескивали стекла.

— Несомненно, ИП, и, думается, весьма важный, — подтвердил полковник после того, как сам все рассмотрел в стереотрубу. — Неглупо придумано, между прочим. Обратите внимание: впереди дерево прикрывается от наблюдения черепичными крышами, сзади — отвесная стена.

— Пристрелять такую цель нелегко, — вставил майор.

— А между домами и высотой тоже добрых полкилометра, — продолжал командующий артиллерией. — Но у нас есть возможность ускорить дело...

Замысел Смертина был прост. Справа от нас, на том рубеже, где остановились эскадроны, вытянулась грушей высотка с редким кустарником. Оттуда намного упрощалось корректирование огня по вражескому ИП.

— Разрешите мне? — вскинулся молчаливый до этого Афанасьев и решительно поправил автомат. Лицо его, покрытое золотистым пухом, порозовело от смущения.

Петр Афанасьев, как и наводчик Федор Борцов, был родом из станицы Вешенской. Служил исправно, слыл у нас смельчаком. При случае неизменно вспоминал своего знаменитого земляка писателя Михаила Александровича Шолохова.

Афанасьев, пригнувшись, бежал к вышке «Груша». Разматывая на ходу катушку с кабелем, за ним едва попевал Ляпин. Обоих подгоняли султаны черной земли — вражеские снаряды разрывались совсем близо.

Кнышов продолжал наблюдать за противником. Я передавал на огневую позицию исходные данные для открытия огня. Лысенко запрашивал у батареи обеспокоенность боеприпасами. Смертин разговаривал по радио с Кодаком. Тот докладывал, что подавил несколько целей. Но артиллерийская дуэль не ослабевала. Гитлеровцы по-прежнему сдерживали наши эскадроны, поставив на их пути стену огня.

И тут поступило сообщение, обрадовавшее нас всех. «Груша» готова», — передал Ляпин. Это означало, что Афанасьев ждет команды для корректирования огня.

— Пусть доложат свои наблюдения, — распорядился полковник.

— «Груша» видит у дерева вход в бункер, — сообщил телефонист.

— Любопытно, — заметил полковник. — Пригласите-ка к аппарату самого Афанасьева. Действительно ли вы видите бункер?

— Вижу, честное комсомольское, товарищ полковник! — услышали мы из трубки звонкий голос Афанасьева.

Смертин невольно улыбнулся:

— Вероятно, это и есть интересующий нас ИП. Ковырнуть бы его после пристрелки фугасными минами...

— На батарею достаточно любых боеприпасов, — поспешил заверить майор Лысенко.

— Начинайте! — спокойно сказал полковник, повернувшись всем корпусом в мою сторону.

Разрыва первой мины никто из нас не заметил: она угодила как раз в пространство между домами и деревом, скрыто от наблюдения. Зато Афанасьев прекрасно видел этот участок и точно ввел корректуру. Ему понадобилось всего четыре пристрелочных выстрела. Затем весь огонь батареи обрушился на НП с бункером. На гитлеровцев устремились из поднебесья десятки мин. В том месте, где стояло злополучное дерево, все заволочло дымом. Огонь противника сразу ослабел. А все батареи нашей дивизии резко усилили темп стрельбы. Мы выиграли дуэль.

Эскадроны поднялись в атаку...

— Разрешите, товарищи, поздравить всех вас с Днем артиллерии и поблагодарить за службу, — торжественно произнес полковник Смертин. — Рядовой Афанасьев будет отмечен особо.

Спустя неделю Петр Афанасьев с гордостью поглаживал сиявший на груди серебристый орден Славы.

«ЕСТЬ СВЯЗЬ!»

Связь с огневой позицией нарушилась во время атаки. Где-то произошел порыв кабеля. Для ремонта старший лейтенант Владимир Батиенко, ставший после ранения Никулина командиром завода управления, послал телефониста Школу. Тот долго не давал о себе знать, и мы томпились в ожидании.

Промозглый декабрьский ветер колючими ледяшками опунывал наши лица. Вблизи НП с оглушительным треском рвались снаряды: противник пытался сдержать наступавших шквалами артиллерийского огня. В такой обстановке ожидание становилось невыносимо тягостным.

— Вгляните, товарищ комбат, — сказал Батиенко. — Это, я понимаю, связь!

Я посмотрел туда, куда указывала его протянутая рука, и заметил в кустарнике прикрытую маскировочной сетью специальную машину. Подле стоял офицер, наблюдавший в бинокль за полем боя.

— Самолеты на цель лаяодит, — с упавшим тоном пояснил Батиенко. — Слышите, идут!

Над нами низко пронеслась девятка советских штурмовиков. Они развернулись и показали, на что способны.

Впереди атакующих на десятки метров взметнулись столбы земли и густого черного дыма. Кругом то и дело

вспыхивали огненные молнии. Воздух безжалостно рвали светящиеся полоски пулеметных трасс.

«Ильюшины» трудились на полную мощь — бомбили позиции противника, обстреливали из реактивных установок, поливали свинцом из пулеметов. «Отрабатывала» свою девятка — на смену тотчас приходила другая. И все это — без малейшей задержки! Офицер с биноклем был пунктуален: связь у него действовала безотказно.

Мы по-хорошему завидовали авиаторам. Здорово могли они атакующим эскадронам. А сами мы были вынуждены бездействовать. Батарея молчала. Нам оставалось лишь наблюдать за противником да засекать новые цели.

Впереди находился крупный населенный пункт Замои, который занимал особое место во всей линии вражеской обороны, получившей название линии Маргариты. Линия эта проходила западнее Будапешта и тянулась с севера на юг через всю Венгрию. Три полосы обороны состояли из отдельных позиций с разветвленной сетью траншей, а также множества одетых в бетон и дерево огневых точек. Замои был превращен в сильный узел сопротивления. Гитлеровцы пытались удержать его любой ценой. Потеряв три дня назад Секешфехервар, они целились теперь за этот город. Враг понимал: здесь может замкнуться кольцо внешнего фронта окружения его войск в районе Будапешта.

Эскадроны приближались к Замою. Очередная девятка «иллов» обрушилась на артиллерийские позиции врага. Наше наступление шло полным ходом, несколько отставало только правый фланг.

Наконец-то нам напомнил о себе телефонный аппарат. Батиенко схватил трубку, крикнул мне:

— Есть связь!

От души отлегло. Я, не мешкая, сосредоточил огонь батареи по траншее на пригорке. В этом направлении пра-

вофланговый эскадрон посылал зеленые ракеты, означавшие: там цель, нужно подавить ее.

Траншея выглядела тоненькой желтой бородой на темном фоне. Никакими вспышками огня себя не обнаруживала.

Батарея выпустила порядочное количество мин. Пригорок окутало дымом. Но, увы, правофланговый эскадрон продолжал сигналить зелеными ракетами... Что такое? Неужели цель ожила?

Недоуменно рассеял Батиевко. Наблюдая в стерсострубу, он установил, что в траншее никого и ничего нет, зато ниже ее, у основания пригорка, расположена, судя по всему, огневая точка противника.

— Попробуй засеки! — досадовал Батиевко, потирая озябшие на ветру руки. — С нашего НП не разглядеть.

Вернулся Школа. Сердитым простуженным голосом пожаловался:

— Танки шли в атаку... Кабель на гусеницы наматало... Метров сто...

— А вы с Ивлевым не могли подвесить кабель?! Связисты, пацывается! — вскипел Батиевко.

А в сторону пригорка все летели зеленые ракеты. Обстановка требовала немедленных действий. По всему чувствовалось: правофланговый эскадрон топчется на месте.

Было решено: Батиевко с одним разведчиком выдвигается вперед, займет в расположении эскадрона передовой наблюдательный пункт и будет корректировать оттуда огонь батареи. Для наведения связи назначались длинный как жердь молчаливый ефрейтор Ивлев и кругленький говорун рядовой Школа.

Все знали: первое слово — за связистами. Сумеют быстро установить связь между ПНП и НП, считай, что успех дела на семьдесят процентов обеспечен.

— Действуйте в темле, — строго предупредил телефонистов Батиевко и, чуть погодя, добавил с подчерк-

нугой серьезностью: — У вас есть шанс искупить вину...

Пригибаясь от осколков, груша выбралась из окопа. По отлогому спуску двинулась вниз.

Больше других доставалось Школе — на ходу разматывая катушку с кабелем, он часто припадал к мерзлой земле. А по синие больно колотила вторая катушка. Ивлев с телефонным аппаратом шел саади, где нужно, направляя жилку кабеля.

Миновали оскудевшую без листвы рощицу. До эскадрона оставалось не более четырехсот метров. У лысой высоты уже отчетливо были видны прижавшиеся к земле люди.

Телефонисты остановились. Первую катушку разматывали. Школа держал наготове вторую. Ивлев привычными движениями сращивал концы кабеля.

Батисико не стал дожидаться. Так или иначе идти дальше всей группой по открытой местности было небезопасно.

— Линию ведите к лысой высоте, — указал он. — Помните, мы ждем. — И вместе с разведчиком побежал к эскадрону.

Дело у связистов спорилось. Срастив кабель, они тоже ускорили шаг. Школе стало легче: он свободно справлялся с одной оставшейся катушкой. Ивлев не отставал от товарища. Все шло хорошо, пока не наткнулись на довольно широкую гудронированную дорогу, внезапно вынырнувшую среди чистого поля.

«Тянуть кабель через дорогу, как по земле? Нельзя. Пойдет транспорт — кабель порвется. Прodelать на полотне борозду, закопать кабель? Саперной лопатой этого не сделаешь, нужны специальные инструменты, хотя бы лом. Подвесить кабель через дорогу? На чем? Столбов нигде не видно. Жердин не пайти — поло. Разве что вернуться к рощице и вырубить пару жердин? А сколько на это

уйдет времени? Батиенко ждет их с минуты на минуту...»

— Старший лейтенант ушел, а ты вот ломай голову, обеспечивай связь, — ворчал Школа, озабоченно поглядывая по сторонам.

Ивлев, по обыкновению, молчал. Его внимание привлек бугорок на повороте дороги метрах в пятидесяти от них. Показалось: из бугорка торчат бревна. Бросился туда.

Бугорок оказался немецким дзотом. Рядом зияла солидная воронка. Бомба разрушила дзот до основания. Под обломками лежали трупы гитлеровцев.

Ивлев схватился руками за бровию и застыл: бревно упиралось в кусок коричневого эбонита, оказавшийся крышкой телефонного аппарата. Не без труда открыл крышку. Нажав кнопку, повернул ручку индуктора. Лишняя была исправна! «Любопытно, куда же она ведет?»

Ивлев выбрался из дзота. Осмотрелся. Перед ним была высотка, на которую указывал Батиенко. Вокруг нее заметил черные пятна — следы бомбежки. У ближнего склона высотки были разбросаны бревна. «Наверное, и там был дзот? А что, если...»

Догадка не давала покоя. Ивлев позвал к себе Школу. Тот подошел к дзоту, не выпуская из рук разматывающейся катушки.

Взяв у Школы на всякий случай катушку, Ивлев ткнул пальцем в телефонный аппарат под бревном:

— Садись... Слушай. Я мигом. — И направился через дорогу.

Предположение Ивлева оправдалось. У лысой высотки совсем недавно был дзот, и его «выковырнули» из земли наши штурмовики. Этот дзот имел телефонную связь с другими огневыми точками и с той, что находилась у поворота дороги.

Школа несказанно обрадовался, услышав голос в трубке трофейного аппарата... Связь была установле-

на! И какая связь! Самая надежная! По подземному кабелю...

Но больше всего обрадовались находке связистов эскадронцы: наши батареи быстро заставили замолчать пражскую огневую точку, чудом уцелевшую под ударами грозных «плюшинных». Правый фланг больше не отставал...

Вечером Владимир Батненко рассказывал мне о подробностях боя. Восхищался своими телефонистами.

Настроение у всех было приподнятое. В тот день войска 2-го и 3-го Украинских фронтов соединились в районе Эстергома и завершили окружение будапештской группировки противника. Произошло это 26 декабря 1944 года...

© DSPL.RU/ЕВБ

ОСОБНЯК У ОЗЕРА

Ночью противник начал артподготовку. Разом заговорили несколько сот орудийных стволов, изрыгая тонны смертоносного металла.

«В укрытие! Скорее в укрытие!» — полеслось со всех сторон.

Подгоняемые оглушительными разрывами снарядов, люди бросились к маячившему на виду зданию со шпилем. Другого укрытия поблизости не было. Батареи полка только начали разворачиваться на берегу озера, лопаты еще не успели коснуться мерзлого грунта.

Озеро называлось Веленце. На карте оно выглядело симпатичным голубым пятнышком юго-западнее Будапешта и казалось крохотным по сравнению со знаменитым Балатоном. Когда же мы в студеной январской ночь при зловещих вспышках огня выплыли на берег Веленце, нас мрачно встретило темное зеркало воды, покрытое у берегов грязной ледяной коркой.

Здание со шпилем выходило фасадом на озеро. Это был огромный двухэтажный особняк с толстыми кирпичными стенами, венецианскими окнами, с башенкой, заканчивавшейся остроконечной пирамидой, верандой и множеством подсобных помещений. В первые же минуты боя здание лишилось стекол в окнах и на веранде. Мы расположились на нижнем этаже: массивные стены надежно защищали от осколков.

Войдя в маленькую комнату у парадного входа, я застал там двух командиров минометных взводов с соседней минометной батареей полка — старшего лейтенанта Кубанцева и лейтенанта Шалаева.

— Ну и разошлись фрицы. Снарядов не жалеют. Похоже, готовят новый контрудар, — сказал мне Кубанцев, шаря по комнате лучом карманного фонарика.

Я не знал, что ответить. Еще в конце декабря наш 5-й гвардейский кавкорпус вместе с 4-й гвардейской армией создали внешний фронт окружения будапештской группировки немцев. В январе 1945-го корпус уже участвовал в отражении двух контрударов противника: гитлеровцы пытались деблокировать группировку своих войск в районе Будапешта. Сейчас, видимо, начинался третий и, пожалуй, самый мощный контрудар врага. Но, как впоследствии выяснилось, о его подготовке и замыслах врага ни кавкорпус, ни 4-я гвардейская армия, в полосе которой он маневрировал, не имели точных сведений.

Мы молча прислушивались к адскому грохоту.

— И чего только мы ждем в этом склепе? — ни к кому не обращаясь, раздраженно спросил Шалаев.

Горячился он зря. Самое разумное, что мы могли предпринять в тот момент, было ждать прояснения обстановки. Выйти из здания означало погибнуть. Гитлеровцы вели настолько сильный огонь, что, казалось, смешались земля и небо. Два-три снаряда угодили в крышу дома. На верхнем этаже рухнул потолок...

Я слышал от товарищей, что Кубанцев и Шалаев очень дружны, и сейчас невольно наблюдал за обоими. До чего непохожи были эти два парня. Плечистый, ладный Владимир Кубанцев выглядел намного солиднее невысокого и сухощавого Николая Шалаева. Уравновешенность Кубанцева никак не сочеталась с экспансивностью его друга. Я знал: в полк Шалаев прибыл недавно. Ничем особенным проявить себя не успел. Но, по рассказам одно-

полчаи, отличался остроумием и веселым нравом. Кубанцев сослуживцы считали смелым и находчивым офицером.

Гул канонады постепенно утих. Стали слышны отдельные выстрелы. Окна озарила желтый свет немецких ракет.

— Ровно двадцать минут, — показал Шалаев на светящийся циферблат часов. — Прилично поработала их артиллерия. А что дальше? Жаль, что в бою заранее не объявляют программы.

— Дальше, я думаю, развернем батареи и скажем свое слово, — бросил на ходу Кубанцев.

Мы быстро покинули здание. Над берегом озера зависли немецкие ракеты. В бою порядках спешенных эскадронов то тут, то там рвались снаряды, скрещивались пункты пулеметных трасс. Стреляли танки противника. Гул их моторов нарастал...

Едва наши минометные батареи открыли огонь, поступило приказание сняться с места, отойти от озера и занять позиции в более безопасном районе. Из штаба полка торопили: вражеские танки охватывали нас с тыла...

Отходили с боем. В ход пошли автоматы и даже пистолеты.

На рассвете заняли огневые позиции километрах и шести от Веленце. Прибежал взъерошенный Кубанцев.

— Шалаева не видали, товарищ комбат?

— Нет...

— Пропал Николай...

— Как пропал?

Кубанцев развел руками:

— В трех батареях был. Никто ничего не знает...

Вечером я вновь увидел Кубанцева.

— Ну как? Объявился Шалаев?

— Нет... Был я у копщиков, во втором эскадроне. Они последними отходили от озера. Парнишка один, пулемет-

чик, рассказывал. На окраине поселка, у дороги, наш офицер швырнул гранату в немецкую самоходку. Машина завертелась на месте. Открылся люк... Наш офицер метнул вторую гранату, а сам схватился за живот, рухнул в снег. То ли ранило, то ли убило. По всем приметам — Николай...

Лейтенанта Шалаева нашли через десять дней во время нашего наступления. Его изуродованный труп был подвешен за ноги к верхушке надломленного дерева в одном из дворов приозерного поселка. У въезда во двор, накренившись к кювету, навсегда застыл притрушенный снегом «фердинанд».

Кубанцеву так и не довелось похоронить друга. Атакующие эскадроны встретили отчаянное сопротивление гитлеровцев. Потребовалась помощь минометчиков.

Был ясный морозный день. С огневой позиции батареи отлично просматривалось здание со шпилем, то самое здание, что несколько дней назад послужило хорошим убежищем мне, Кубанцеву и Шалаеву. Отступая, гитлеровцы и салашисты превратили этот особняк в маленькую крепость, которая контролировала теперь выход к озеру. Установленные на обоих этажах пулеметы не давали эскадронам поднять головы.

Решение у Кубанцева созрело мгновенно. Пока его командир батареи выдвигается вперед, на новый наблюдательный пункт, он самостоятельно откроет огонь по зданию прямой наводкой.

— За лейтенанта Шалаева! — что есть мочи крикнул Кубанцев расчетам. — По огневой точке противника!..

— За лейтенанта Шалаева! — повторили за старшим на батарее командиры расчетов. — По огневой точке противника!..

Первый выстрел был не совсем удачным. «Недолет!» — зафиксировал про себя Кубанцев и скомадовал увеличить прицел. Но неожиданно перед минометами взметну-

лись султаны земли и снега: орудия противника нацупали пашу огневую позицию. Вслед за тем заработали немецкие крупнокалиберные пулеметы.

— За лейтенанта Шалаева, огонь! — вновь прокричал командир минометного взвода.

Дым от разрыва стеллся у самого здания. «Дам батарейную очередь», — прикинул Кубанцев.

Подать команду он не успел. Взрывной волной старшего лейтенанта отшвырнуло в сторону. Оцупал себя. Цел! А позади стонут, кого-то ранило. Сваряд разорвался близко от минометов. «Что предпринять? — лихорадочно сверлила мысль. — Не дают фашисты вести огонь...»

Кубанцев вскочил на ноги, отряхнулся. Пронзительное конское ржание заставило его оглянуться. В нескольких шагах стояла бричка, запряженная парой низкорослых монгольских лошадок. Как она очутилась здесь? Ездовой, видимо, заметил обращенный к нему удивленный взгляд:

— Ветром занесло, товарищ старший лейтенант!

— А-а, Вагин...

— Он самый... Командира ищу. Наказывал: ежай до озера. А кто ж меня туды пустит?..

Степан Вагин был ездовым во взводе боепитания. Кряжистого, медлительного в движениях казака с мерзлучной козьей ножкой и прокуренной бородой знали в полку многие.

— В бричке-то что?

— Известное дело: ящики с гранатами да, кажись, дымовые пашки...

— Гони отсюда быстрее, пока цел, — посоветовал Кубанцев. — Видал, как снарядами садит? — Потом вдруг рванулся к ездовому: — Постой! Дымовые пашки, говоришь? А ну доставай пашки, доставай, милый!

Выход вышелся сам собой. Цель была пристреляна. Оставалось обрушиться на нее всей батареей, выпустить

побольше мин. Не беда, что задание на время исчезнет из виду. Главное, закрыть от наблюдения противника себя, свою огневую позицию.

Дымовые шашки сделали свое дело. Густая белая пелена надежно упрятала от фашистов наши минометы. А за непроницаемой дымовой завесой властвовал звонкий голос Кубанцева:

— За лейтенанта Шаласва! Батарея, четыре мины, беглый огонь!..

То ли немцев ввела в заблуждение дымовая завеса, то ли у них кончились боеприпасы, только больше на нашей огневой позиции не разорвался ни один вражеский снаряд. Ничто теперь не мешало минометчикам подавить ключевую огневую точку в обороне гитлеровцев.

Со стороны озера долетело многоголосое «ура». Эскадроны ринулись в атаку. А когда рассеялся дым, Кубанцев первым делом увидел знакомый особняк с разрушенной башенкой и без шпиля...

НА ТРИДЦАТОМ КИЛОМЕТРЕ

В полдень прогремел короткий огневой налет. Гитлеровцы начали новую атаку. Пятнадцатую за двое суток.

— Пять... двенадцать... двадцать три... тридцать два... сорок... Сорок танков, товарищ комбат! — докладывал Афанасьев, вращая стереотрубу.

Впрочем, с заснеженного косогора, где находился наблюдательный пункт, даже невооруженным глазом были отчетливо видны боевые порядки противника. Танки, похожие на белом поле на маленькие глянцевые коробочки, двигались углом вперед. За ними черными точками перемещалась пехота. И все это находилось у северной окраины населенного пункта, ближе к шоссе, за которым закрепились наши эскадроны.

Населенный пункт носил простое, привычное для русского человека название — Барачка. Обычный поселок городского типа, с прямыми улицами, одноэтажными домами под черепицей, церквушкой — каких много в Венгрии.

Однако отличало Барачку особое географическое положение. От посёлка рукой подать до Будапешта: тридцать километров по отличной бетонированной дороге. Иными словами, в стратегическом отношении Барачка была очень важным пунктом на подступах к венгерской столице.

За посолок вторые сутки шел тяжкий бой. Противник бросил сюда около двухсот танков. Во что бы то ни стало он стремился прорваться к Будапешту, чтобы помочь окруженной группировке своих войск.

Эскадроны нашего корпуса стойко сдерживали натиск врага. Три часа не умолкая в упор расстреливала артиллерия его бронированные машины. Потом отошли на выгодный рубеж. Теперь мы были на косогоре, а Барачка лежала под нами в ложнине. Последовавшие затем четырнадцать атак не дали фашистам никаких результатов: они не продвинулись ни на шаг.

И вот утром снова поползли танки с крестами на бортах. Бой на тридцатом километре Будапештского шоссе не утихал ни на минуту...

— Воздух!.. Воздух! — передали наблюдатели.

Два «мессершмитта» сделали крутой вираж над нашими позициями, сбросили листовки и удалялись, сопровождаемые хлопками зенитных снарядов.

Пехота противника приближалась к пристрелянному батареей участку. Я подал команду на открытие заградительного огня. Мины ложились кучно. Их разрывы, слившись воедино, образовали гребень молочного цвета. Местами его прорывали черные всплески земли — это стреляли по танкам наши пушечные батареи.

— Алло! — услышал я знакомый голос.

В окоп спрыгнул Валентин Соколов. По старой привычке потер рукой красный от мороза курносый нос, задорно блеснул глазами, представился:

— Командир штабной батареи старший лейтенант Соколов. Какие есть вопросы?

Валентин стиснул меня в объятиях. И никто не удивился ни его шутливому представлению с непременно «Какие есть вопросы?», ни грубой мужской ласке. Все знали, что мы давнишние друзья, что примерно так выглядит каждая наша встреча в бою.

— Есть вопрос! — неожиданно вывалил старшина батареи Ашот Мирзоян. Он пришел на НП по неотложным хозяйственным делам и заодно прихватил термос с едой для разведчиков. — Как по-вашему, скоро выйдем фашистов из Будапешта?

Соколов не успел ответить старшине.

— Глядите, глядите! — закричал Афанасьев. — Танки поворачивают к насыпи...

Я вскинул к глазам бинокль. У шоссе дымили пять подбитых танков. Около десятка машин, застыв на месте, вели огонь. Остальные действительно разворачивались в сторону насыпи, тянувшейся под углом к Барачке.

— Немедленно перенеси туда огонь! — оторвался от стереотрубы Соколов.

— А что это даст?

— Перенеси! — повторил Соколов. — Прикрой насыпь... Нанутай хотя бы... Ослепи!..

Я скомандовал батарее пужвый доворот, хотя прекрасно понимал: не могут минометы остановить танки. Понимал это, конечно, и Валентин. В артиллерии мы сидели с ним за одним столом, оба знали, на что способны пушки, а на что минометы...

— Ты чувствуешь, что может получиться? — возбужденно сказал Валентин. — Справа от второй батареи пушек, считай, нет. Туда должен подойти ИГТАП*. Должен! А пока эскадроны обходятся собственными средствами. Два десятка танков — это не шутка. Сомиут эскадроны, и тогда... Надо повернуть пушки второй и, пожалуй, третьей батареей. Подтянуть два-три орудия на руках вон к тому двору. — Соколов ткнул пальцем в сторону приземистого дома, стоявшего на отшибе за высокой оградой. — И ударить по бортам танков, вдоль насыпи... Уяснил?

* Истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

— Уяснить-то уяснил. А как передать об этом комбату два? Связи-то нет...

— Коня! — крикнул Соколов.

— Не сходи с ума, Валентин! Не доскачешь... Убьют... Открытое место. — Я пытался убеждать друга, хотя прекрасно знал, что мои доводы напрасны. Валентин все равно сделает то, что задумал. Да и здесь, на передовой, он оказался не случайно. Его, как всегда, послал начальник штаба полка «для координации» действий.

Валентин и не подумал слушать меня. Перемахнув через бруствер окопа, он сбежал по косогору в овраг, где оставил коновода с лошадьми. Легко вскочив в седло, сделал знак коноводу — обойдусь, мол, без тебя, а потом что есть мочи крикнул мне: «Не прекращай огня!» — и пришпорил коня.

— Кавказская натура у вашего друга, — пошутил Мирзоян.

Добрый конь понес Соколова к дороге, проходившей параллельно шоссе.

Группа танков, свернувших к насыпи, двигалась медленно. Передние машины шли уступом, стреляя на ходу. Они словно нащупывали место, куда ринуться всей армадой.

Перед насыпью кудрявились разрывы мин. Я ввел корректуру — надо было приблизить разрывы к танкам, чтобы ослепить экипажи, да и осколки от мин были для них небезопасны.

— Скачет, скачет... Настоящий сорви-голова! — с восторгом комментировал Мирзоян.

Валентин приближался к окраине Барачки. Его тонкая гибкая фигура слилась с конем. До оружейных окопов нашей второй батареи оставалось не больше трехсот метров. Расстояние плетное, но отрезок пути самый опасный — чистое поле на виду у противника.

— Заместили, гады... Взяли на мушку... — проронил Кнышов, наблюдавший в бинокль.

Впереди всадника и сзади него одновременно поднялись фонтаны земли и снега. Стреляли из танков. Один снаряд разорвался совсем близко.

— Держись, держись! — подбадривал я Валентина, будто он мог слышать меня. — Еще немного, еще...

Снежные фонтаны стояли стеной. Всего несколько метров отделяли всадника от окопа, когда конь под ним вадыбился и рухнул на землю. Валентина отбросило прочь...

— Не пропадет ваш друг, — успокаивал Мирзоян. — Кавказская у него патура...

— Встал, товарищ комбат. Встал! Смотрите, — радостно прокричал Афанасьев.

Сразу два человека бросились из оружейного окопа на помощь Соколову. Потом опять поднялся столб земли и снега. Все заволочло облако разрыва. Я почувствовал, как к горлу подкатил комок... Когда рассеялся дым, мы рассмотрели лишь темное пятно оружейного окопа.

— Полный порядок! — неуверенно произнес Мирзоян.

Мое внимание целиком поглотили атакующие танки. Некоторое время они двигались медленно. Потом у насыпи головные машины ускорили ход. Я перенес огонь минометов в глубину боевого порядка противника: разрывы миц со стелющимся густым дымом могли маскировать танки.

Позиции эскадронов ожили. За насыпью блеснули пистолки — открыли огонь приданные конникам короткоствольные полковые орудия. Заработали пулеметы...

— Подзут, гады... Только бить их нема кому, — пожалел Книшов.

Два головных танка свободно перевалили через насыпь. Видимо, она оказалась слабым препятствием. За головными двинулись остальные машины. Огонь полковых орудий не мог остановить их.

Прав был Валентин Соколов: в тяжкое положение по-

пали эскадроны. «Но почему молчат наши батареи? Неужели Валентин не успел передать свой план?»

Танки шли. Мгновения казались вечностью. Возглас Афанасьева заставил всех вздрогнуть:

— Есть!

Головная машина, та, что была дальше от нас, застыла на месте, окуталась дымом. Языки пламени охватили еще четыре танка... У изгороди приземистого домика я заметил вспышки выстрелов. «Соколов уснул!»

— Шестой горит! От дают наши пушкири! — восклицал Книшнов.

Уцелевшие танки остановились. Прошла секунда, другая. Отстреливаясь, они повернули вспять. Вторая и третья батареи не прекращали огня. Задымил еще танк...

Ритм выстрелов как-то сразу участился. Воздух раскалывался от нарастающего резкого звука противотанковых орудий. За насыпью разворачивались и вступали в бой подразделения прибывшего из резерва ИПТАПа.

— Спокойно можно обедать, — тронул меня за рукав Мирзоян.

Дуэль артиллерии и танков вскоре окончилась — танки скрылись из виду. В этой ситуации грешно было отказаться от предложения старшины.

На морозе после «ста граммов», розданных Ашотом, горячая гречневая каша с мясом казалась пищей богов.

Откуда ни возьмись — Соколов. Весь в снегу, лицо горит, глаза сияют — точно с увеселительной прогулки вернулся. Как ни тесно было в окопе, в знак уважения все встали на ноги.

— Отделался легким ушибом, — острил Валентин, потирая курносый нос. — Правда, волосы немного припалили... — Сняв шапку, он просунул палец в дыру, оставленную солидным осколком: — Вещественное доказательство!..

Короткий зимний день близился к концу. Вавелов пустой термос за спину, старшина собирался в обратный

путь. Соколов решил передать с ним донесение для Ко-
дака.

— Вручите лично! — приказывал Валентин. — Ожидаю
здесь радиста для связи.

После ухода Мирзояна я разрешил разведчикам немно-
го отдохнуть. Да не вышло. Гитлеровцы произвели очеред-
ной огневой налет. И все повторилось сначала, в шестнад-
цатый раз. Прорыв облака, над тридцатым километром
Будапештского шоссе низко пронеслись со свистом два
«мессера». В воздухе замелькали листовки. У окраины
Барачки снова показались грязно-белые коробочки. Но
направленне их движения было теперь иное. Фашистские
танки устремились к позициям соседней с нами гвардей-
ской кавдивизии*.

На сей раз мы с Валентином оказались в роли наблю-
дателей: помочь огнем не могли — минометы туда не
доставали.

Сперва вражеские танки атаковали безнаказанно, а по-
том стали гореть один за другим. К вечеру силы против-
ника иссякли. Преодолеть тридцатый километр шоссе ему
так и не удалось. Последняя попытка немцев прорваться
к Будапешту потерпела крах**.

* Речь идет об 11-й гвардейской кавалерийской дивизии па-
шего корпуса. В тех боях особо отличился 37-й полк этой диви-
зии, которым командовал майор М. Ф. Недилевич. 220 воинов пол-
ка были удостоены правительственных наград. Этот факт массо-
вого героизма приведен в «Истории Великой Отечественной вой-
ны» (см. т. 4, стр. 401—402).

** После освобождения столицы Венгрии приказом Верховно-
го Главнокомандующего 3-му гвардейскому Донскому казачьему
кавалерийскому корпусу было присвоено наименование Будапешт-
ский.

БАЛАТОН

Кто хоть раз побывал на озеро Балатон, никогда не забудет его. Словно огромная палитра, расдвечено оно всеми цветами радуги. Голубое зеркало воды удивительно четко отражает наумрудную зелень берегов и ажурные строения под оранжевыми черепичными крышами. О Балатоне не случайно поют песни, слагают легенды.

Я тоже на всю жизнь запомнил Балатон. Но отнюдь не за его красоту. В сердце зачалось грустное событие, связанное с судьбой доброго друга и отличного солдата. А было это ранней весной сорок пятого года.

...Наш артиллерийский полк вошел в Шнофок вслед за кавалеристами. Город на берегу Балатона был пуст. Местные жители давно покинули его. Гитлеровцы успели убраться до нашего прихода.

Услышав команду «Командиры батарей — в голову колонны!», я пустил коня в галоп и нагнал командира третьей пушечной батареи Михаила Гроца.

— Ох, зажмуриться бы на часок, — услышал я, поравнявшись с ним.

Я отлично знал Гроца. Мы воевали бок о бок два года. Это был рослый, сильный человек, не ведавший усталости.

— Всю ночь не сомкнул глаз, — признался Михаил. — На марше отстало оружие.

Но отдохнуть Гроцу не пришлось. Наши батареи были брошены вперед, туда, где преследовали отходившего противника эскадроны.

Двигались вдоль берега Балатона. Несколькими рядами тянулись здесь роскошные виллы и особняки. В один и два этажа. Со стеклянными верандами и причудливыми балконами. С цементными и мраморными лестницами, спускавшимися прямо к воде. Здания будто соревновались между собой в красоте и изяществе. Перед некоторыми из них спокойно покачивались у причалов быстроходные моторные лодки и нарядные яхты.

— Недурно отдыхала венгерская знать, — сказал подъехавший ко мне Гроц.

Где-то рядом затрещал пулемет. Снаряд-болванка угодил в камень и с визгом рикошетировал. В километре от нас, на окраине Аккаратьи, выскочили из-за коттеджей два грязно-желтых танка со свастикой.

— Батарея, к бою! — прокричал Михаил и бросился к первому орудью.

Не успел добежать, у станин пушки разорвался снаряд. Когда рассеялся дым, Гроц увидел: в живых из расчета остались двое, и, не мешкая, сам встал у прицела. Первым же снарядом поразил танк. От радости захолол в ладоши...

Вместе с Иваном Кнышовым и Петром Афанасьевым мы тут же у дороги заняли наблюдательный пункт. После короткой пристрелки батарея накрыла минометным огнем клиновидную роту за Аккаратьей, где накапливалась пехота противника.

— Поглядите, товарищ комбат, — окликнул меня Афанасьев.

Пушка, из которой стрелял Гроц, находилась метрах в тридцати от нас. И мы хорошо видели каждое его движение.

— Лихо ведет огонь комбат! — восхищался Иван Книшов. — Любо-дорого смотреть!

А Гроц продолжал стрельбу. Бронетранспортер. Пулемет. Еще бронетранспортер... Одну за другой моражал он цели прямой наводкой. И всякий раз после выстрела поднимался над орудийным щитом, настороженно глядел вдаль, словно провожал глазами каждый снаряд.

К полудню эскадроны ворвались в Аккаратью. Туда же подтягивались и обе наши батареи. Разведчики шли со мной у самого берега. Гроц и его орудийные расчеты двигались чуть правее.

На какое-то время воцарилась тишина. Зеркальная гладь воды пежилась под лучами весеннего солнца. Мы шли, молча восхищаясь увиденным. И вдруг война напомнила о себе. В той стороне, где находилась третья батарея, ударили приглушенные взрывы.

— Что там еще? — проворчал Афанасьев.

— Стреляют... Як на фронте! — пошутил Книшов.

Вскоре показался всадник. Завидев нас, вздыбил коня, крикнул:

— Третья батарея попала на минное поле... Комбат ранен...

Миша лежал на подстилке из одеял. Его продолговатое с бронзовым загаром лицо застыло от невыносимой боли. Узнав меня, с трудом выдал:

— Вот тебе и Балатон...

Многое сказала мне эта фраза. В ней слышалась и горечь из-за бессмысленного ранения, и боязнь навсегда покинуть боевой строй, и сожаление о предстоящей разлуке с фронтowymi друзьями.

Сапфиринструктор закончил перевязку. Отвел меня в сторону:

— Комбат три отвоёвался. Ничего не поделаешь... Считайте, ноги у него нет.

Гроца увезли в тыл. Через месяц все в полку узнали: за доблесть в бою у озера Балатон старший лейтенант Михаил Михайлович Гроц награжден орденом Красного Знамени.

За Аккаратьей бои вспыхнули вновь. В чудесной роще, что подступала к самому озеру, двое суток подряд рвались снаряды и мины. Только могучее вмешательство наших «иллов», сровнявших позиции противника с землей, заставило его отступить.

Прощай, Балатон! Эскадроны идут к австрийской границе, к Альпам.

© DSPL.RU/ELIB

В ВОСТОЧНЫХ АЛЬПАХ

Последний бой батарея провела в Восточных Альпах, у высоты с отметкой 1638.0. Было это за восемь дней до окончания войны.

Высоту с яростью обреченных обороняло около батальона гитлеровцев. Уже дымилось двухэтажное строение на самой вершине, десятки трупов виднелись на перемешанной со снегом земле, а противник продолжал сопротивляться.

Штаб 223-го кавполка обосновался в пастушьей хибарке у основания высоты. Я направился туда, чтобы доложить о прибытии батареи.

В маленькой комнатенке за самодельным столом, приставленным к квадратному окошку, сидел командир полка подполковник Климов. Выслушав доклад, он тотчас поставил мне задачу:

— Эскадроны пачнут атаку в одиннадцать тридцать. Сигнал — две красные ракеты. К тому времени подавите батальонные минометы противника. Вашей 120-миллиметровой батарее это по плечу. — Климов помял пальцами ссохшуюся сигарету: — Учтите, разведка донесла: в том же ущелье, где установлены минометы, упрятано более тысячи отборных лошадей. Требуется особо точная стрельба. Понимаете? Лошадки нам пригодятся... Держите со мной связь, старший лейтенант. Действуйте!

Огневая задача оказалась не из легких. Для корректирования огня пришлось выбрать наблюдательный пункт на другой высоте, за огневой позицией батареи. Да и оттуда были видны лишь явные недолеты и перелеты. Само ущелье мы не просматривали.

После первой очереди белого огня старший разведчик батареи ефрейтор Петр Афанасьев, не отрывавшийся от стереотрубы, сокрушенно махнул рукой:

— Эх и мажут огневики, товарищ комбат! В ущелье попали одна-две мины. Остальные легли поверху...

Афанасьев не ошибся. Заградительный огонь гитлеровцев перед дымящим строением несколько не ослабел. Наши спешные эскадроны были по-прежнему прижаты к земле.

На дне окопа даешь кому телефон.

— Готовы? — узнал я голос Климова. — Только что по радио передали, наши в Берлине рейхстаг штурмуют. А мы копошимся у нарцисной высотки...

— Батарея не подведет, — ответил я командиру полка, а у самого на сердце заскребли кошки. Но было у меня никакой уверенности в том, что правильно определены координаты цели.

Сомнения разрешились неожиданно-негадано. Вернулся с линии Школа. Привел с собой щуплого старикашку в защитной стеганке с капюшоном.

— На дороге повстречался, — объяснил Школа. — Австриец, а по-нашему разумеет. Говорит, у русских в плену был, в первую мировую... Нышче — пастух... На коне ехал...

Старик согласно кивал. Его обветренное, иссеченное морщинами лицо все более оживлялось.

Мы узнали, что ехал он со стороны Граца, что немцы отняли у него всех овец, а взамен дали стоганку с капюшоном, что у входа в ущелье — тьма-тьмущая лошадей, а у выхода стреляют минометы, что пастух успел вовремя выбраться из ущелья: туда попал тяжелый снаряд...

— Так то наша мина! — радостно выкрикнул Петр Афанасьев. — Пуд металла что-нибудь значит!

Не торяя времени, я вызвал к телефону Локтионова — надо было поднять дух огневики, поточнее сверить установки на минометах, подобрать побольше мины одинаковой маркировки, усилить огонь.

А старый австриец все продолжал бубнить что-то себе под нос. Я прислушался. Хотя каждое слово было понятным, получалась какая-то ахиня, где помшались белогвардейцы и царский генерал Краснов.

С огневой доложили о готовности. Стрелки часов показывали 11 часов 15 минут. Последовали длинные серии беглого огня. Локтионов оказался молодцом — обеспечил высокий темп стрельбы.

Я машинально наблюдал за разрывами. Слова пастуха не давали покоя. Суди по всему, старик был абсолютно нормальным человеком. Надо разобраться толком в том, что он говорил.

Минометы в ущелье умолкли. Под липовой тучей вспыхнули две красные ракеты. Спешенные эскадроны поднялись в атаку.

В сопровождении Афанасьева я направил австрийца к подполковнику Климову.

К середине дня противник сдал высоту 1638.0.

Эскадроны ушли вперед. Мы вместе с Климовым приближались к обгоревшему деревянному строению. Он ничего не знал о старом пастухе, так как покинул штаб еще несколько часов назад. Зато, когда я заикнулся о белогвардейцах и помянул атамана Краснова, командир полка посмотрел на меня как на больного. Потом, желая, видимо, смягчить впечатление, сказал:

— Начальник штаба во всем разберется. Думаю, это выдумка старца. Какой еще, скажите на милость, Краснов? Давно, наверное, подох в эмиграции...

Двухэтажное здание, служившее в свое время гостини-

цей для туристов, было забито всякой всячиной: от дамских тряпок до фаустпатронов. Бегло осмотрев его, мы с Климовым поправились к ущелью.

Подожгли. Нигде ни души. Осмотрелись. Кругом безмолвные горы. Прекрасно видны седловины, острые зубчатые шпиль, обрывы с теньями на снегу... Красота...

Климов пощипал подбородок. Предложил закурить.

— Атамана Краснова со свитой я, признаться, не считывал здесь лицезреть, — приво подмигнул мне комполка. — А вот куда, скажите пожалуйста, девались кони? Тысяча коней! Их ветром не сдуешь...

Я вернулся на батарею. До конца дня простояли на месте. Вечером поступил приказ — трогаться к Шрайбесдорфу, маленькому селению у отрогов Восточных Альп: там стояли тылы полка.

Погода резко переменилась, надолго заладил нудный мелкий дождь.

Ехали с Локтиновым шпора к шпоре, делились впечатлениями.

— А все же, думается, не обманул нас старик австриец, — тихо говорил Локтинов. — До войны я где-то читал, что Краснов в двадцатых годах жил в мюнхенском имении одного немецкого офицера. Времени, правда, прошло много. Нынче ему, если жив, считай, под восемьдесят...

Я внимательно слушал Семена Лукича и просто не знал, что думать. Тем более что я слышал: австрийца из штаба отпустили домой. Сам он Краснова не видел. Слышал о нем, наверное, от других пастухов. В общем, всю эту историю списали тогда за счет старческого склероза...

Кончилась война. Наш кавалерийский корпус возвращался на Родину.

На одной из днейков в полк поступило распоряжение — выделить двух самых достойных для участия в Параде Победы. У мноюметчиков выбор пал на ефрейтора Петра Афанасьева.

Счастливицев провожали всем полком. Афанасьев тепло прощался с сослуживцами. Увидев меня и Локтионова, подошел поближе.

Поговорили о Москве, о предстоящем параде, о сложных днях войны.

— Застыла в башке одна мыслишка — никак не вышибить, — признался Афанасьев.

— Ну, ну?

— Опять же пастух-австриец... Сдается мне, толком не допросили старика... В Северной Италии, на границе с Австрией, заметил он поселение белогвардейцев. Живут там и бывшие царские генералы. Сам же калякал обо всем по дороге к штабу кавполка... Не мешало бы все-таки знать, где свили гнездышко наши недруги...

— Потребуется — узнаем, — успокоил Локтионов.

Участники парада уехали. Полк двинулся дальше по дорогам Венгрии.

...Был душный июльский день. У пьеза в населенный пункт мы заметили группу военных.

— Ясное дело, генерал Малеев, — приподнимаясь на стременах, уточнил Локтионов. — А с ним, как всегда, ветеринарный врач подполковник Доценко.

Заместитель командира корпуса генерал-майор Михаил Федорович Малеев страсть как любил проверять полки в движении. «На месте что увидишь?! — сетовал он. — Подмажут, подкрасят и — шель в глаза... Другое дело — на марше. Пусть хоть одна подкова на всю дивизию хлябает — и ту не упустишь...»

Ну, а по части подков и вообще лошадей первым советчиком генерала был Владимир Митрофанович Доценко. Он слыл в корпусе чудо-лекарем.

Подъехали ближе. Колодну осматривал подполковник Доценко. Сам генерал, стоя шагах в десяти от дороги, рассказывал трем офицерам из штаба нашей дивизии какую-то историю. Слушали его, затаив дыхание.

Сам я придерживал коня подле Доценко, поэтому до меня долетели только отдельные фразы.

— ...Тогда Краснов и спросил, предоставит ли ему возможность писать мемуары.

Каждое услышанное слово жалило меня. «Действительно, значит, объявился доцкой казачий атаман! И, судя по всему, с ним недавно беседовал генерал Малеев!»

Батарея проследовала мимо Доценко.

— Все, капитан? Не смею задерживать, — кивнул тот.

Мне не оставалось ничего иного, как припорить коня и занять свое место в колонне.

Корпус продолжал марш. Весть об аресте Краснова облетела все дивизии, на ходу обрастая подробностями. Одни утверждали, что казачий атаман был маторым немецким шпионом и попался с поличным в Восточных Альпах. Другие считали его командиром крупного соединения, состоявшего из белогвардейцев и всяких прочих подонков. Третьи уверяли, что Краснов имел заданье оказывать помощь группе немецких армий «Австрия». Сходились только в одном, в том, что генерал Малеев, как бывший конармеец, знает белого атамана еще со времен гражданской войны.

Одним словом, слухи ходили самые разные. Но по мере приближения к нашей границе интерес к ним слабел с каждым часом. Предвкушая радость счастливых встреч с родными и близкими, мы спешили домой, туда, где нас терпеливо ждали всю войну.

СВИДАНИЯ С ЮНОСТЬЮ

Календарь отсчитывает год за годом. В далекое прошлое уходит война. Но не тускнеют в памяти события тех суровых лет. Не потерялись из виду их участники. В разных уголках страны, куда меня, военного журналиста, забрасывала судьба, я встречал однополчан, товарищей по оружию из Донского казачьего кавкорпуса. То были незабываемые свидания с юностью.

...1954 год. Ташкент. По заданию редакции направился в Министерство культуры Узбекистана, чтобы взять интервью у министра. В приемной услышал: министр будет не скоро, идите к его заместителю. Вошел в кабинет и увидел за столом... Алексея Захарьевича Завьялова. Вечером у него дома мы допоздна «шагали» по дорогам войны. Алексей Захаревич поделился своими планами, ему предстояло учиться в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

...В Ташкенте нашелся и Миша Гроц. Сперла ему, инвалиду войны, трудно было подыскать работу по душе.

— На одной ноге не разгонишься, — с горечью признался он.

Потом работа нашлась. Михаил Гроц стал завхозом одного из ремесленных училищ. Поступил в инженерно-строительный институт. Окончил его. Теперь он инженер и уже имеет солидный стаж.

...В 1956 году прибыл в Красноярск, в очередную командировку. Купил в вокзальном киоске газету. Раз-

вернул, начал читать. Тут меня и окликнул бывший ездовой взвода боепитания Степан Игнатьевич Вагин. В те годы он был пенсионером и направлялся в Иркутск к родственникам.

Разговорились. Все предстало перед нами как наяву. Хмуров в январскую пору озеро Веленце. Двухэтажный особняк. Боевая удаля Володи Кубанцева — за тот бой он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

— Здорово Кубанцев придумал тогда с дымовыми пашками! — восхищался Вагин. — И бричка моя аккуратно подвернулась... Как по заказу. Правду говорят: на войне всякое бывает.

...В декабре 1958 года встретил в Ленинграде Дмитрия Пилева. В черном пальто с поднятым воротником он казался еще выше, чем прежде.

В лицо хлестал противный ветер со снегом. Шли по Невскому, вспоминали памятный декабрьский день под Замоем. Дерзкие налеты наших штурмовиков. Атаки танков, пехоты, конников. Не выдержала, рухнула система оборонительных сооружений гитлеровцев, пресловутая линия Маргариты.

— Да, — улыбался мой спутник. — Никуда не денешься. Мы со Школой связь тогда обеспечили. Хотя для этого и пришлось подключиться прямо к линии Маргариты.

...Теплым июльским вечером 1960 года в Киеве, на Крещатике, увидел я Василия Дьяченко. Остаток вечера мы, разумеется, провели вместе.

Василий Справедливый с гордостью показал мне зачетную книжку студента Киевского университета.

— Вот порадовался бы батя... Всю жизнь мечтал, что бы я учился... Не дожил он до этого дня... Четыре года, как похоронил я старого солдата.

Расстались мы поздно. На другой день, сдав последний экзамен на юридическом факультете, Дьяченко уехал

домой, в Немиров. Мы решили переписываться. Слово свое держим.

Майор запаса Василий Романович Дьяченко работает прокурором в маленьком, обласканном природой Немирове, что на Винничине. В письмах мой фронтовой друг пишет обо всем, только не о своей работе. Но я уверен, что в действиях своих он всегда справедлив. Сомнений тут быть не может. Проверено!

...В октябре 1964 года по случаю 20-летия освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков группа журналистов совершила полет по местам бывших сражений. Побывали, конечно, и в Корсунь-Шевченковском.

У входа в местный музей увидели красочный стенд. Золотыми буквами вписаны там содеяния, принимавшие участие в грандиозной битве. Среди них и 63-я Краснознаменная Корсунь-Шевченковская кавалерийская дивизия генерал-майора К. Р. Белошвищенко.

Когда после осмотра музея мы советовались, куда податься дальше, я предложил слетать в Комаровку. Крепко запомнился тот бой, где отличился первый расчет, бой, за который Анатолий Заваляев и Николай Сазаонов получили орден Красной Звезды...

Наш вертолет совершил посадку у самого села. Не сразу отыскал я место, где двадцать лет назад находилась огневая позиция батареи. Нас окружили жители села. И была среди них Федора Федоровна Рыбець. Она ничего не забыла... «Бушевала пурга... Солдаты расположились в хате на ночевку... Сержант был у нас, серьезный такой мужичина с гладко выбритой головой... Утощала я их ватниками со сметаной...»

...Есть в Дарницком районе Киева тихая одноэтажная улица — Профсоюзная. Там после долгих военных дорог сделал наконец большой привал полковник запаса Петр Петрович Лысенко. Хозяин дома так и говорит: «большой

привал». Другие слова, вроде «поселился» или «выбрал место жительства», тут не подходят. Бывалому артиллеристу никак не хочется считать себя навсегда ушедшим из боевого строя.

Ноябрьским вечером 1965 года, как раз в канун праздника ракетчиков и артиллеристов, я побывал у Петра Петровича на Профсоюзной. Трудно передать, какую радость принесла эта встреча нам обоим. Вспомнили мы и День артиллерии на фронте, и НИИ под Мпшкольцем, и памятное письмецо с контуром детской ручонки. Петр Петрович говорил с таким жаром, будто только вчера пережил все эти события. Показал он мне и полученные поздравительные открытки. В числе их две были из Херсона — от полковников в отставке Василия Константиновича Смертина и Федора Никонovichа Петроико.

...Через несколько месяцев после визита к Лысенко мне повстречался подполковник медицинской службы Илья Григорьевич Логовинский, бывший командир медсанэскадрона нашей дивизии. Он направлялся в Одессу, к новому месту службы.

Разговаривался. Я поинтересовался, не знает ли он, где живет сейчас Наташа Радченко, и пояснил:

— Была у нас такая милая голубоглазая девушка-санструктор. Она еще отлично себя проявила в бою за Ойтуз. Может, помнишь или знаешь ее?

— Как не знать?! Очень даже хорошо знаю, — лукаво ухмыльнулся Илья. — Наташа — моя жена. Годиков через пять мы с ней надеемся отпраздновать серебряную свадьбу.

...Разыскал я и Николая Тишаева. Он инженер-полковник, служат в войсках ЛВО. Недавно получил от него очередное письмо. «Артиллерии я изменил, — пишет он. — Кстати, насколько мне известно, вопрос с узкой вилкой давно упрямочен. Получилось по-нашему, по-фронтовому». В этих строчках был весь Тишаев, каким я

его запомнил и полюбил с первой встречи, — жадный к знаниям, пытливый, неугомонный.

...Осенью 1966 года я побывал в Ростове-на-Дону. Сперва нанесил гвардии генерал-лейтенанта в отставке Сергея Ильича Горшкова. Приехал к нему домой прямо из аэропорта. Командира корпуса нетрудно было узнать и в гражданской одежде. Годы будто не властвуют над ним. Такой же подвижный. На гладко выбритом лице — ни единой морщины.

О многом говорили мы в то утро. Не обошли, конечно, и бои под Ньиредьхазой.

— Вас, несомненно, интересует, — сказал Сергей Ильич, — почему, ведя наступательную операцию, мы были вынуждены перейти под Ньиредьхазой к обороне? — Он достал из письменного стола лист плотной бумаги. Заточил карандаши. — Вот смотрите. Отсюда наступала наша группа. А здесь действовала конно-механизованная группа Плиева. После взятия Дебрецена обе группы под руководством Плпева двигались на Ньиредьхазу, Чоп. Коммуникации растянулись. Темп продвижения был невысок. Некоторые соединения опоздали с выходом на указанные рубежи. А противник уловил этот момент и нанес контрудар. — Горшков прочертил на бумаге четкую стрелу. — Короче говоря, мы приняли на себя удар очень сильной немецкой группировки. Зато левое крыло фронта получило возможность стремительно развивать наступление на венгерскую столицу...

Наша беседа затянулась. От Сергея Ильича я узнал, что бывший начальник политотдела корпуса гвардии полковник в отставке Никифор Иванович Привалов обосновался в Кисловодске.

...В тот же день на улице Татарской, что на окраине Ростова-на-Дону, я постучал в спящеокрашенную дверь добротного дома. Открыл сам хозяин, низенький пожилой

человек. Молча поглядел на меня, присмотрелся и бросился в объятия.

Так через двадцать один год после войны встретились мы с Иваном Митрофановичем Кобелевым. Пока осматривали комнаты, я узнал, что он много лет работал на заводе, что живет в достатке и на собственные сбережения построил себе дом...

Кобелев не стал расспрашивать, как я его разыскал.

— Живые, они всегда повстречаются, — многозначительно сказал он. — А ты, по поляглы... Вечная им память!..

И вспомнили оба короткий бой за Кальмиус и комсорга Хурцию.

...А спустя неделю я уже был в Москве, в гостях у гвардии генерал-майора артиллерии в отставке Михаила Яковлевича Лев.

Сидели друг против друга в большой светлой комнате. Бывший командующий артиллерией Донского казачьего корпуса все силится вспомнить, где и когда состоялась наша первая встреча. Я не выдержал и напомнил:

— Сальские степи... Хлебобобовое... Ваш ординарец Харабузов поставил на стол миску с печеньем, котелок с молоком...

Генерал улыбнулся:

— Мы с Алексеем Харабузовым многих молодых офицеров приглашали за стол...

— Но, видимо, не всех агитировали стать минометчиками.

— Вспомнил! — положил руку мне на плечо генерал. — Теперь вспомнил... Вас было трое...

— Точно!

— Агитировал не напрасно, добрый молодец. Смотрите, что делается... В армии появилось множество ракет разного назначения. Даяно снято с вооружения большое

количество артиллерийских систем. А 120-миллиметровые минометы остались. Они пока незаменимы...

— Минометы в армии никогда не состарятся, — привел я давно услышанную фразу.

— Да. Генерал Селиванов верно подметил это. — Мой собеседник сделал паузу. — Рано ушел из жизни Алексей Гордеевич. — с грустью промолвил он. — Умница был... А какой эрудит! Его адъютант капитан Балюрка имел постоянное задание — искать для командира книги.

Уважительно отзывался генерал о многих сослуживцах по казачьему корпусу. С увлечением воспроизводил отдельные боевые эпизоды, щедро делился интересными наблюдениями.

Запомнились мне и штрихи из жизни самого рассказчика. В 1920 году добровольцем ушел в Красную Армию. Через год стал коммунистом. Участвовал в подавлении кронштадтского мятежа.

...1967 год принес радость новых встреч. Объявился Владимир Афанасьевич Кубанцев. Приехал ко мне погостить. Он подполковник в отставке, неоднократный чемпион Белорусского военного округа по пулевой стрельбе. Живет в Бобруйске. Поддерживает связь со многими однополчанами.

От Кубанцева я узнал, что Василий Семенович Прокурин, тот, что отличился в бою под Волновахой, ныне инженер, работает на одном из заводов в родной Одессе. А Иван Федорович Кышов, «темный человек», окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, стал подполковником и по сей день служит в Советской Армии.

...Целую неделю в том же году прожил у меня Валентин Нилович Соколов. Он теперь полковник, начальник кафедры Пензенского высшего инженерно-артиллерийского училища. Валентин приехал в Киев на научную конференцию. Днем он заседал, а по вечерам мы пели нескоп-

чаемно разговоры. Я показал Валентину письмо, полученное перед самым его приездом: из Черкасс дал знать о себе Александр Федорович Падалко, бывший начальник штаба полка...

— Пора тебе на своих однополчан специальную картошку заводить, — задумчиво сказал на прощание Соколов. — Судьбы людей — это, брат, вещь серьезная.

...А я давно, хоть и не признался тогда, завел нечто похожее на картотеку. Мне удалось узнать судьбы многих товарищей по кавкорпусу и восстановить подробности почти всех боев. Лишь одно обстоятельство долгое время оставалось неясным и потому не давало покоя.

Десятки раз перелистывал я потрепанный фронтовой блокнот. На последней страничке — полустертые слова и цифры: «30 апреля — высота 1638.0. Более 1000 лощ. Пастух-австриец. Ущелье. Атаман Краснов. Шрайбесдорф».

Решил восстановить все по порядку. Я знал, что Краснов был одним из самых ярых врагов молодой Республики Советов. Знал, что ему удалось бежать в Германию, где он стал агентом гитлеровской разведки. В январе 1947 года по приговору Верховного Суда СССР Краснов был повешен.

Но многое оставалось для меня неясным. Где был арестован Краснов? При каких обстоятельствах встретился с ним советский генерал М. Ф. Малеев? О чем вели они речь? Ответить на эти вопросы мог бы сам Михаил Федорович Малеев, но он умер в 1965 году.

И все же я не бросил поисков. Они-то и привели меня в подмосковный город Бабушкин, где живет полковник в отставке Владимир Митрофанович Доценко, тот самый ветврач корпуса, которого часто встречали на фронтовых дорогах вместе с генералом Малеевым.

На звонок вышел статный мужчина в элегантном сером костюме.

— Рад вас видеть, подполковник. — Доцепко дружески пожал мне руку. — Припоминаю... Припоминаю... Пожалуйте сюда. — Он отдернул легкую портьеру, пропустил меня в уютную, со вкусом обставленную комнату.

Я прямо сказал о цели своего визита и вот что услышал в тот вечер.

— Свидание с Красновым состоялось неожиданно. С Михаилом Федоровичем Малеевым ездил я. Было это так. Слушайте...

Генерал Малеев возглавлял комиссию, которой предстояло принять лошадей из пражской группировки, разгромленной в Восточных Альпах. В комиссию кроме самого Михаила Федоровича входили представитель штаба фронта и я.

Оформив необходимые бумаги, мы выехали в Юденбург и в тот же день были приняты начальником местного гарнизона генерал-майором Павловым, который, оказывается, давно уже ждал нас.

Павлов прежде всего пригласил нас к столу. За обедом зашел разговор о роли конницы в бою. Генерал Малеев вспомнил гражданскую войну. Первую Конную, битый ими, коварнейцами, корпус Шкуро.

Услышав эту фамилию, Павлов любезно предложил продолжить воспоминания в присутствии потерпевших и, загадочно улыбнувшись, пригласил нас совершить вместе с ним небольшую прогулку после обеда. Попутно мы услышали, что за несколько часов до нашего приезда советским солдатам удалось арестовать прямо здесь, в Юденбурге, большую группу бывших царских генералов и высших офицеров. Эта группа являлась верхушкой белогвардейской казачьей станицы, постоянная база которой находилась в Северной Италии.

Павлов привел нас в довольно просторное помещение. Десяток старцев при полной форме ленино поднялись со своих мест. Вперед вышел длинный дряхлый человек

с воспаленными глазами. За ним — обрюзгий коротышка с красным испитым лицом. На плечах у обоих поблескивали генеральские погоны с серебряной канителью.

— Господа! — обратился к ним Павлов. — Перед вами заместитель командира советского Донского казачьего кавалерийского корпуса генерал-майор Малеев. Пропу представиться, господа.

— Генерал Краснов, — сухо сказал высокий старик с воспаленными глазами.

— Генерал Шкуро, — промычал обрюзгий коротышка.

За их спиной раздались невнятные голоса.

Малеева, видимо, больше, чем нас, поразила эта сцена. Некоторое время он молчал, пристально разглядывая арестованных.

— Простите, генерал, — нарушил тишину Краснов. — Не знаете ли вы, от чего умер Борис Михайлович Шапошников?

— Маршал Шапошников был тяжело болен, — ответил Малеев.

— А как здоровье Буденного и Ворошилова? — любопытствовал Шкуро.

— Отличное. Если это вас интересует...

— Как же! Как же! Приходилось с ними встречаться... Я имею в виду поле брани... Вы еще не воевали в то времена.

— Напротив, воевал. И, представьте себе, именно в кавкорпусе Семена Михайловича Буденного.

Шкуро сделал пренебрежительную гримасу:

— Бойцы мало что знали.

— Не правда! — возмущился Малеев. — Я прекрасно помню, как ночным штурмом буденновцы овладели Воронежем. Как захватили ваш штабной поезд. Если не изменяет память, вы, господин Шкуро, чудом спаслись на автомобиле. А под Касторной? А на переправе через Се-

верный Донец? От вашей конницы, навипите, осталось мокрое место!

— И я вас, буденновцев, погонял... — начал было Шкуро, но сразу осекся: почувствовал на себе недобрый взгляд Краснова.

— Полно вам, — возбужденно бросил Краснов. — Молчите.

Он протер носовым платком воспаленные глаза и обратился к Малееву:

— Получу ли я возможность писать мемуары?

— Не знаю.

— Что же нас ожидает?

— Это решаем не мы, — спокойно произнес Малеев.

— Я всегда стоял за русский народ.

— Лжете, господин казачий атаман! — перебил Малеев. — Вы гнусно предали свой народ и давно потеряли право называть себя русским...

Генерал-майор Павлов взглянул на часы. Мы поняли: пора уходить.

Через полчаса наша комиссия уже занималась приемкой лошадей. Там оказалось почти полторы тысячи голов. Были среди них и чистокровная донская, и венгерская, и арабская, и ахалтекинская, и другие породы.

В Юденбурге мы пробыли три дня. Кажется, на второй день прилетел самолет. На нем арестованных отравили в Москву...

Так благодаря Владимиру Митрофановичу Доценко в моем старом фронтовом блокноте не осталось ни одной нерасшифрованной записи.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Лампасы	3
Учения	10
Прорыв	16
Бывало и так...	22
Степь да степь...	27
«Был оюккерс» — я ветуло	33
Разведчик Иван Кишилов	39
Василии Справедливый	48
Первый расчет	54
В распутицу	62
Веномогательный удар	72
Перевал	79
Тревожные сутки	87
День артиллерии	98
«Есть связь!»	104
Особняк у озера	110
На тридцатом километре	116
Валатов	123
В Восточных Азиях	127
Сындания с юностью	133

Ефим Яковлевич Райгородецкий
К АЛЬБИМ

Редактор М. Д. Колющенко
Художник Я. И. Ходоровский
Художественный редактор А. М. Голыкова
Технический редактор И. Я. Макарыч
Корректор Л. А. Болдина

Г-61185. Сдано в набор 17.4.69 г. Подписано в печать 14.6.69.
Формат 70×108¹/₂ мм. Печ. л. 4¹/₂. Усл. печ. л. 6,3)
+1 вкл.—¹/₂ печ. л.—0,8676 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 5,160
Бумага № 2 Тираж 100 000 экз.

Изд. № 3/2284.

Цена 2 коп.

Зак. 128.

Ордена Грудного Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-104
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

© DSPL.RU/ELIB

© DSPL.RU/ELIB

© DSPL.RU/ELIB

С. 102
3X7 41282

Цена 27 коп.

